

Рудольф Штейнер

Четыре Драмы-Мистерии

GA 014

С Т Р А Ж П О Р О Г А

(ИНСЦЕНИРОВАННЫЕ ДУШЕВНЫЕ СОБЫТИЯ)

Перевод с нем. Н.Н.Белоцветова
редакция перевода А.А. Демидова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА, ОБРАЗЫ И СОБЫТИЯ

Духовные и душевные события, описанные в "Страже Порога", являются продолжением тех событий, которые изображены в ранее появившихся "[Вратах Посвящения](#)" и "[Испытании Души](#)". Они составляют с ним одно целое.

В "Страже Порога" участвуют следующие люди и существа:

НОСИТЕЛИ ДУХОВНОГО ЭЛЕМЕНТА

Бенедикт, глава Солнечного Храма и учитель целого ряда лиц, встречающихся в "Страже Порога" (Солнечный Храм только упоминается во "Вратах Посвящения" и "Испытании Души").

Гиларий Готтгетрей, Гроссмейстер Мистического Ордена (в прежнем воплощении — Гроссмейстер одного духовного Братства).

Иоанн Томазий, ученик Бенедикта.

НОСИТЕЛИ ЭЛЕМЕНТОВ ЖЕРТВЕННОСТИ

Магнус Белликозус, названный во "Вратах Посвящения" Германом, — надзиратель Мистического Ордена.

Альберт Торкватус (Феодосий во "Вратах Посвящения"), церемониймейстер Мистического Ордена.

Профессор Капезий.

НОСИТЕЛИ ЭЛЕМЕНТОВ ВОЛИ

Фридрих Траутманн (Роман во "Вратах Посвящения"), церемониймейстер Мистического Ордена, перевоплощение второго церемониймейстера духовного Братства, изображенного в "Испытании Души".
Теодора, ясновидящая, (элемент воли претворился у нее в наивное ясновидение).
Доктор Штрадер.

НОСИТЕЛИ ДУШЕВНОГО ЭЛЕМЕНТА

Мария, ученица Бенедикта.
Феликс Бальде.
Фелиция Бальде.

СУЩЕСТВА ИЗ ДУХОВНОГО МИРА

Люцифер.
Ариман.

СУЩЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХОВНОГО ЭЛЕМЕНТА

Двойник Томазия.
Душа Теодоры.
Страж Порога.

Филия, Астрид, Луна - духовные существа, являющиеся посредниками между человеческими душевными силами и космосом.

Другая Филия, духовное существо, препятствующее соединению человеческих душевных сил с космосом.

Голос Совести.

Эти духовные существа изображаются не как аллегории или символы, а как действительность, которая для духовного познания столь же реальна, как лица физические.

* * *

Перевоплощения двенадцати крестьян и крестьянок из "Испытания Души":

Фердинанд Рейнеке
Михаил Эдельман
Бернард Редлих
Франциска Демут
Мария Трейфельс

Луиза Фюрхтеготт
 Фридрих Гейст
 Каспар Штюмер
 Георгий Вармунд
 Мария Кюне
 Термина Гаузер
 Катарина Ратзам

События "Стража Порога" разыгрываются приблизительно через пятнадцать лет после событий во "Вратах Посвящения", все житейские их повторения в "Страже Порога" должны пониматься не как общий закон, а как явление, встречающееся только на рубеже двух эпох. Некоторые события, например 8-й картины — а именно, встреча Штрадера с двенадцатью душами, — возможны только на таком рубеже.

Духовные существа, участвующие в "Страже Порога", отнюдь не являются аллегорическими или символическими фигурами; тот, кто познает действительность духовного мира, имеет право изображать существ, которых он там встречает, так же реально, как людей в физическом мире. Кто принимает этих существ за аллегории или символы, тот понимает "Стража Порога" превратно. Что духовные существа не имеют тех человеческих форм, какие они должны иметь на сцене, — это самоочевидно. Если бы автор мистерий считал этих существ аллегориями, он не изобразил бы их так, как он это делает.

Разделение действующих лиц по группам (3x4) не преднамеренно, — оно вытекает для мышления *post factum* совершенно самостоятельно и независимо от схем; сами образы потребовали такого разделения. Автору и в голову не могло прийти преднамеренно использовать в основе своей композиции такую схему. Однако позволительно привести ее здесь как результат, выявившийся *post factum*.

Музыка к "Стражу Порога" написана Адольфом Аренсоном.

СОДЕРЖАНИЕ

[КАРТИНА ПЕРВАЯ](#)

[КАРТИНА ВТОРАЯ](#)

[КАРТИНА ТРЕТЬЯ](#)

[КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ](#)

[КАРТИНА ПЯТАЯ](#)

[КАРТИНА ШЕСТАЯ](#)

[КАРТИНА СЕДЬМАЯ](#)

[КАРТИНА ВОСЬМАЯ](#)

[КАРТИНА ДЕВЯТАЯ](#)

[КАРТИНА ДЕСЯТАЯ](#)

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Зал индиго-голубого цвета; на его фоне ряд других залов, в которых работает Мистический Орден. Двенадцать человек беседуют друг с другом о задачах Ордена. Кроме них, Феликс Бальде и доктор Штрадер. Картина изображает события, разыгрывающиеся приблизительно пятнадцать лет спустя после событий во "Вратах Посвящения".

Фердинанд Рейнеке

Воистину диковинный призыв
Здесь в этот час объединяет нас.
Исходит он от тех, кто мнит себя
Достойным, от людей уединясь,
Служить особенным духовным целям.
Им кажется, что во вселенском плане
Открылось ныне их очам духовным,
Что надобно с людьми соединиться,
Которые, без посвященья в тайны,
Должны бороться в этой жизни сами.

Меня не привлекали никогда
Искания таинственных вещей;
Придерживался в жизни я всегда
Здорового и трезвого рассудка.

Духовный Орден, тут созвавший нас,
До высочайших целей Посвященных
Нас вознести, поверьте, не захочет.
Мистически неясными речами
Он на пороге Храма нас удержит
И нами лишь, как голосом народным,
Умно в своих воспользуется целях.
Слепыми мы помощниками станем
Людей, что свысока на нас взирают
И из себя вождей изображают.
Незрелыми они бы нас признали

И для того, чтоб хоть на шаг один
 Приблизиться к священному их Храму
 И к светочу духовных откровений.
 И в сущность их стремлений углубляясь,
 Я лишь гордыню и сплошной обман
 Под маскою смиренья созерцаю.
 И было б лучше, — избежать нам вовсе
 Всего, что здесь за мудрость выдают.

Но для того, чтоб им не показалось,
 Что мы хотим бороться без проверки
 С так высоко ценимым делом их,
 Советую я вам сперва послушать,
 К чему стремятся эти мудрецы,
 И обратиться к разуму затем:
 Кто ищет в настроении таком,
 Той мистагогии подпасть не сможет,
 Которую хотят нас искусить.

Михаил Эдельман

Какой духовный клад принадлежит
 Тем, кто соединиться с нами хочет,
 Я в этом разобраться не берусь.
 Но много благородных есть людей,
 Что причисляют к Ордену себя.
 В строжайшей тайне берегут они
 Ключ знания, раскрывшийся для них;
 Но по делам, на жизни их я вижу,
 Что ключ хорош, из коего черпают.
 Все, что исходит из таких кругов,
 Отмечено любовью настоящей;
 А потому хорошей быть должна
 И цель, что побуждает их связаться
 С людьми, которым хоть и чужд их путь,
 Но дороги душевные исканья
 И подлинной духовной жизни цель.

Бернард Редлих

Но осторожность — наш ближайший долг.
 Находят, видно, мисты, что уж близок
 Конец их долголетнего господства.
 В грядущем разум спрашивать не станет
 Об истине, которой мисты грезят.
 Но если Орден нам укажет цель,

Достойную всеобщего признания, —
 Тогда разумно с ним соединиться.
 Но избегать в нем мистики нам нужно,
 Когда откроет Орден те врата,
 Что отделяют Храм его от нас,
 Как некий светлый, недоступный мир.
 Ведь для людей не много будет значить,
 Что мисты о себе воображают.
 Не выше мы оценим их заслуги,
 Чем разрешит общественное мнение.

Франциска Демут

Столь многое, что говорилось тут,
 Звучит совсем как тех людей слова,
 Которые той истины не зрят,
 Что светит благородными лучами
 Для утешенья и спасенья душ
 Из Храма Посвящений в мир земной.
 Лишь тот, кто сердце светом озарил,
 И душу пронизал его теплом,
 Значенье часа этого поймет.
 Хотят здесь царство мистики раскрыть
 И тем из нас, кто сам еще не в силах
 Свет Духа — после тяжких испытаний
 Души — принять в святилищах высоких.

Мария Трейфельс

Указывают многие уж знаки,
 Что в душах, что хотят пойти вослед
 Вождям людским в развитии земли,
 Большие перемены происходят.
 Но где она, уверенность, что мисты
 К тем целям привести способны,
 Которые усиливают душу?
 Мне мнится, нам нужны вожди такие,
 Что в пользование силами природы
 Соединяют гений со сноровкой,
 И, для земли трудясь и созидая,
 Себя в согласие с миром ощущают.
 Ища корней духовных дел своих
 В действительности почве материнской,
 Они стремятся без ненужных грез
 Способствовать людскому процветанью.

Вполне проникшись этим убеждением,
Я полагать склонна, что доктор Штрадер
Воистину пригоднее, чем мисты,
Для руководства душами людскими.

Сколь долго с болью видеть приходилось,
Что техники чудесные деянья
Души людской свободному порыву
Тяжелые оковы налагают.
И ныне вновь надежда родилась,
Которая нам и не снилась раньше.

Есть в мастерской у Штрадера модель,
Являющая в малом виде чудо,
Что технику перевернуть способно,
Ее от гнета тяжкого избавив,
Который стольких мучает людей.

Штрадер

Здесь только что с надеждой говорили
О том, чего достичь мне удалось.
Хотя доселе мост и не построен
Меж практикой и опытом моим,
Но опыт мой, по мнению экспертов,
Технически вполне осуществим.
Изобретатель просит разрешения
Свободно высказать свое суждение
О том, что он достигнуть смог.

Присутствующих просит он простить,
Коль речь его покажется нескромной.
В ней выразить хочу я только чувства,
Способствовавшие моим успехам.

Все больше труд в развитии земном,
Освобождаясь от души и чувства,
Становится бездушным и сухим,
Чем ревностней старается наш дух
Господствовать над чувственным бытием.
И механичней с каждым новым днем
Работа, создающая блага,
А вместе с ней и вся земная жизнь.
Изобрели не мало уж вещей,
Которые способствовать могли бы
Тому, чтоб техники холодной ритм

Не удушал души людской порывов,
А также Духа истинных стремлений.

Но от попыток этих толку мало:
Не разрешен по-прежнему вопрос —
Как должно людям к людям относиться?
И я немало времени потратил,
Над этою загадкой размышляя;
Но мне мои раздумья никогда
Не приносили должного плода.
И уж склонялся к горькому я мнению,
Что все победы в сфере вещества
По предопределению судьбы
Духовному развитию враждебны.

Тогда меня спасла как бы случайность
От хаоса бесплодных размышлений.

Эксперименты как-то я предпринял,
Далекие от всех таких вопросов.
И вдруг в душе внезапно зародились
Идеи, мне открывшие дорогу.

Я опытов без счету произвел
И, наконец, такие результаты
В лаборатории я получил,
Которые при полной разработке
Технически свободу обеспечат,
Столь нужную душевному развитию.
Уж заставлять людей не надо будет
На фабриках, иль в тесных мастерских
Влачить бытие, достойное растенья:
Так силы техники распределятся,
Что каждый сможет пользоваться всем,
Необходимым для его труда,
Не покидая собственного дома.

И вот делюсь я этою надеждой,
С тем, чтобы вы вполне уразумели
То, что я должен на призыв ответить,
С которым розенкрейцеры теперь
К непосвященным людям обратились.
Когда вполне все души разовьются
И собственную суть свою познают,
Тогда прекрасно расцветут порывы,
Что к духу дух извечно устремляют.

А потому, кто верно мыслит, тот
 Легко заметит, что такой призыв
 И знаменьям эпохи отвечает.
 Богатый клад желает этот Орден
 В распоряжение наше предоставить
 Затем, что людям этот клад потребен.

Феликс Бальде

Тут только что раздавшееся слово,
 Оно от человека исходило,
 Сумевшего житейскими благами
 Обогащать земное становленье.
 Никто на этом поприще не может
 Со Штрадером сегодня состязаться.
 Но отыскал я на другой дороге
 То, что потребно для души людской,
 А потому прошу я также слова.

Судьбы веленьям ясным повинуюсь,
 Искал сокровищ я, что в человеке
 Скрываются внутри, в души глубинах.
 Мне мнилось, что свет мудрости нашел я,
 Способный жизнь земную озарить.
 И в тихом одиночестве своем
 Мистическим я стал учеником.
 И на своем пути я убедился,
 Что все, дающее господство людям
 Над царством чувств,
 над царством сил земных,
 Душевной слепотою их карает,
 И в темноте должны брести они.
 И также все сокровища познаний,
 Что опыт и рассудок их скопили,
 Есть лишь блужданье ощупью во мраке.
 Я знаю, что лишь мистики пути
 Вести способны к истинному свету, —
 И сам стоял я на путях подобных,
 И посторонней я не знал поддержки.
 Но человечеству моей дорогой
 Идти нельзя. Рассудочнее знанье
 И чувственность подобны плоти той,
 Что оказаться без души должна,
 Коль свету воспротивится она,
 Который от начала дней земных
 В мистических святилищах сияет.

И потому пожмем теперь с любовью
 Ту руку, что протянута из Храма,
 Где на пороге пламенные розы
 Эмблему смерти мудро украшают.

Луиза Фюрхтеготт

Лишь чувствуя достоинство души,
 На опыт свой способны мы сослаться,
 Когда хотим узнать про мир духовный
 И этот мир желаем обрести.
 Кто внешнему послушен руководству,
 Утратить должен самого себя.
 И даже свет, который ныне ищем
 Внутри себя, как высшую премудрость,
 Признания достоин лишь тогда,
 Когда его мы в силах доказать.
 Свет человеку может стать опасным,
 Когда без доказательств светит он.
 И очень часто в случаях подобных
 Влечения неосознанные сердца
 Столпом вселенной кажутся душе.

Фридрих Гейст

Из нас бы каждый должен был стремиться
 Ученья мистов истинно понять.
 Лишь тот их заблуждением сочтет,
 Кто уж заранее стремлений цель
 Пытается душой предугадать.
 О мистах же известно, что они
 Относятся к искомой правде так,
 Как люди, что с вершины созерцают
 Красоты отдаленного ландшафта:
 Сперва они взбираются наверх,
 Не думая заранее о том,
 Куда их должен путь их привести.

Фердинанд Рейнеке

Сейчас мы лучше спрашивать не станем,
 Как относиться к правде мы должны.
 Ведь не о том услышать захотят
 От нас Мистического Братства члены.
 И до меня уж слухи доходили,

Что лишь особый случай побудил
Духовный Орден и о нас подумать.

Томазий, что в движенье их духовном
Уж много лет участие принимает,
Служа его мистическим задачам,
Сумел в научного познания формы —
Которым мы привыкли доверять —
Облечь, как в одеяние, ту мудрость,
Что знают посвященные одни.

Таким путем он и в широких массах
Уже сумел стяжать успех заметный
Для книг, что, мнимой логикой прикрывшие
Мистические бредни излагают.
И даже изыскателей серьезных
Сумел он вестью этою увлечь,
Способствуя известности своей,
Взрастающей опасно с каждым днем.

Боятся посвященные такого
Успеха. Он уничтожает взгляд,
Что им одним доверена вся мудрость.
И под защиту взять они стремятся
То, что распространяет Иоанн.
И вот они показывают вид,
Что уж задолго ведали о том,
Что эта весть должна раздаться в мире
И сослужить разумную им службу.
И если только им сейчас удастся
Нас уловить в расставленные сети,
Тогда внушить они сумеют миру,
Что с вестью этой Иоанн Томазий
Судьбы властями мудро послан был,
Дабы и средь обыкновенных смертных
Распространилась вера в их значение.

Каспар Штюмер

Что эта школа мистов до сих пор
Еще стремится управлять людьми,
Доказывает, как не уважают
Они того, что здравый ум людской
Завоевать успел на пользу людям
С тех пор, как механически природу
И душу объяснить нам удалось.

И грустно для мыслителей свободных,
 Что столь блестящий ум, как доктор Штрадер,
 Мечтанья мистов склонен разделять.
 Кто так, как он, механикой владеет,
 Тот сам давно бы должен был увидеть,
 Что новая наука о душе
 Уничтожает мистику совсем.
 И явственно на лженауке той,
 Которую Томазий возвещает,
 Что иногда и самый острый ум
 Мечтаньям диким склонен подпадать,
 Коль скоро жертвой мистики он стал.
 И если вместо мистики Иоанн
 Прошел бы школу строгого мышленья,
 К духовной деятельности готовясь,
 То он при даровитости своей
 В науке бы не мало преуспел.

Но на его теперешнем пути
 Могло возникнуть только заблуждение,
 Которое для Ордена заданий
 Весьма полезным может оказаться.
 Ведь он распространяет ложный взгляд,
 Что будто уж доказано наукой
 Все то, о чем людские души грезят.

Георгий Вармунд

Когда такие речи слышу я,
 Мучительно я их переживаю;
 И ясно вижу я, как неизвестно
 Мировоззренье, что из родников
 Духовной жизни в мир земной течет.

Но стоит, глядя в прошлое, спросить:
 Чем жили человеческие души,
 Когда наука, что теперь цветет,
 Была известна людям лишь в зачатках?

В те времена духовный Орден
 Великие деянья совершал,
 Ему указанные в плане мира.
 И подвига того он ожидал,
 Что удалось Томазию свершить.
 Тот путь был новым, на котором свет
 Для душ людских в нем ныне воссиял.

Но этот свет уж действовал во всем,
 Что на земле издревле совершалось.
 Так где ж был света этого источник,
 Что в душах неосознанно сияет?

На мистику все знаки указуют,
 Которая в святилищах жила,
 Пока людьми еще не правил разум.
 Духовный Орден, тут собравший нас,
 Свет мистики стремится излучить
 На труд, в котором с помощью мышленья
 Иоанн стремится дух завоевать.

А мы, на этом месте посвящений
 Судьбой суровой созданные ныне, —
 Мы первые из всех непосвященных
 Увидим искру из духовных высей,
 Сходящую в душевные глубины.

Мария Кюне

Томазию опека не нужна,
 Что розенкрейцеры ему сулят,
 Раз может он научно изложить
 Душевный путь чрез много воплощений
 И через множество духовных сфер.

Своим трудом явил он свет высот,
 К которому святилища приводят,
 Тем людям, кои сами избегают
 Переступить через порог духовный.
 Томазию та слава подобает,
 Которую себе он заслужил.
 Мышленью ту свободу он стяжал,
 Что школы мистов запретить желают.

Гермина Гаузер

В грядущем розенкрейцеры должны
 Существовать в одних воспоминаньях.
 Что в этот миг свершить они желают,
 То Храма основанье расштатает,
 Как только осознает мощь свою.
 С наукою и разумом они
 Соединить стремятся Храм в грядущем.
 И потому Томазий, столь охотно

Впускаемый в их Храм, в грядущем должен
Прослыть их победителем в потомстве.

Доктор Штрадер

За то меня корили, что я думал,
Что хорошо совместно провести
С мистическим союзом дело то,
Которое свершить сумел Томазий.
Один из говоривших был подавлен
Моим воззреньем: — Мистика опасна
В исследование истинном души.
Но мистика всего понятней мне,
Когда соединяюсь я вполне
С природой механизма своего,
Который я сумел изобрести.
И этот труд, которым занят я,
Мне истинность святилищ доказал.

Работая, я часто размышлял:
Что мог бы значить я для тех людей,
Которым интересны только силы,
Что в механизм свой я вложить сумел,
В отличие от тех, кому с любовью
Могу раскрыть все существо свое?

Благодаря подобным мыслям, я
Сумел познать в их истинной природе
Ученья, исходящие от мистов.
Известно и без посвященья мне,
Что в их святилищах с любовью боги
Душе людской себя раскрыть стремятся.

Катарина Ратзам

Столь благородно с нами доктор Штрадер
О Храме Посвящений говорил.
У всех найдут слова такие отклик,
Кто хоть и вдалеке держаться должен
От врат, открытых только посвященным,
Но кто привык той правде доверять,
Которой посвященные владеют.

Пусть думать склонны были предки наши,
Что мисты свету истины враждебны —
Понятно это. Ведь они не знали,

Да и не чаяли того, что храмы
В святилищах таинственно скрывали.

Но ныне уж не то; уж держат мисты
Свет не вполне сокрытым, разглашая
Все то, что вправе знать непосвященный.
И много душ, принявших этот свет
И оживить в себе его решивших,
Переживать способны пробужденье
Душевных сил, что раньше, крепким сном
Объаты, в бессознательном скрывались.

(Трехкратный стук.)

Феликс Бальде

Сейчас хозяев здешних мы увидим
И речь их удостоимся услышать.
Но только те из нас ее поймут
И ощутят в себе ее сиянье,
Кто победит слепые предрассудки.

Могущественна сила посвященных
Бывает там, где праведную волю
Находит в сердце, что готово ложью
Пожертвовать, увидев правды свет.
Но там она бездейственна бывает,
Где воля, зачерстневшая в иллюзии,
Успела чувство правды умертвить.

Фердинанд Рейнеке

Пусть те из нас, кто в самоуглубленье
Внутри себя познать **себя** хотят,
Подобному суждению внимают.

Но пред лицом Мистического Братства
Не лучше ли нам фактов придержаться,
Что о подобных орденах духовных
История нам может сообщить?
Увидим мы, сколь много легковверных
Заманивалось в Храмы Посвящений,
Когда в словах таинственных вещалось,
Как в Храмах этих можно, поднимаясь
От низших степеней познания к высшим,
В конце концов увидеть Дух сокрытый.

Кто на приманку шел, тот узнавал,
 Что он на низших ступенях обязан
 Над символами внешними подумать,
 В надежде, что, когда взойдет он выше,
 Смысл символов и скрытую их мудрость
 Узнает он. Увы, он узнавал,
 Достигши высших степеней, сколь мало
 И мастерам о символах известно,
 И что они о мире и бытии
 Болтают лишь бессмысленные вещи.
 Коль одурачен ими не был он
 И не подпал их суетным речам,
 Он отвращался от учений их.

Вот и теперь, быть может, хорошо
 Не славословье, а сухой отчет
 Истории внимательно прослушать.

(Слышится трехкратный стук.)

(Входит Гроссмейстер Ордена Мистов — Гиларий Готтгетрей. За ним следуют: Магнус Белликозус, 2-й Надзиратель; Альберт Торкватус, 1-й Церемониймейстер; и Фридрих Траутманн, 2-й Церемониймейстер. Все собравшиеся расступаются и размещаются по обеим сторонам зала.)

Фридрих Траутманн, 2-й Церемониймейстер

Мгновенье это, милые друзья,
 Впервые здесь объединяет нас
 У Храма врат старинных и священных.
 Важно оно для нас, как и для вас.

Нам знаменье суровое велело
 С призывом этим обратиться к вам.
 Прочел наш мастер это приказанье
 В свершения земного мудром плане.
 Должны мы, плану мира повинуюсь,
 Соединить теперь, в эпоху эту,
 Святилища священный ритуал
 С обыкновенным разумом людским,
 Что вдалеке от мистов ищет свет.

Но также в планах мира говорится,
 Что прежде, чем событие свершится,
 Явиться должен человек, который
 Сумеет вашей чувственной науке

Такую форму дать, чтоб можно было в ней
Духовный мир в его постигнуть правде.

Случилось так. Сумел Иоанн Томазий
В науку ту, что ныне признают,
Внести свой вклад, на языке научном
Духовную ту правду доказав,
Что только на мистических путях
В святилищах до сей поры таилась.
Для нас его деянье нитью будет,
Что свяжет нас в духовной жизни с вами.
Через него вы сможете проверить,
Сколь обоснованы ученья наши.
И это даст вам силу, чтоб от нас
С готовностью принять и то познание,
Что может только мистика открыть.
Так будет плодотворно развиваться
Жизнь, сочетающая здравый смысл
С обычаями посвящения.

Магнус Белликозус, 2-й Надзиратель

Из речи брата вы теперь узнали,
Что, согласуясь с мировым веленьем,
К порогу Храма вас мы созываем.
Пусть более глубокий смысл воззвания
В своих словах откроет вам наш мастер.

Но ранее все нужное скажу
Я вам о том великом человеке,
Благодаря кому мы тут собрались здесь.

Томазий предан живописи был
До той поры, пока наукой он
Не занялся, влекомый зовом Духа.
Но в области искусства своего
Мог проявить он дар, ему присущий,
Лишь с той поры, как он вступил в тот круг,
Где подлинная мистика хранилась.
Тот круг его к учителю приблизил:
Учитель показал ему, как сделать
Свой первый шаг к духовному Познанию.
И он писал, на выси вознесенный,
И в творчестве себя переживая,
Картины, преисполненные жизни.
Что побудило бы любого живописца,

Свои исканья мудро ограничив,
 К высокой цели мощно устремиться, —
 То для него лишь поводом служило,
 Чтоб мастерство свое как можно лучше
 На благо общества употребить.

Он сознавал, что Духоведенье
 Обосновать тогда лишь можно будет,
 Когда научный ум с мышлением строгим,
 Художником из зачерстневших форм
 Освобожденные, в себе окрепнут,
 Свое родство с бытием переживая.
 Так творчеством, которое могло бы
 Ему служить, пожертвовал Томазий
 Во имя человеческого духа.
 Познайте же, друзья, его деянье!
 И вы поймете Ордена воззвание
 И, не колеблясь, вы за ним пойдете.

Гиларий Готтгейтрей, Гроссмейстер

Во имя Духа, что способен в Храме
 Являться всем, служить ему готовым,
 Мы в этот миг решили появиться
 Перед людьми, не знавшими доселе
 Таинственно звучащих в Храме слов.

Не всякому могли открыться силы,
 Что управляют целями земными
 В своей первооснове светоносной.
 Как только постепенно в детском теле
 Расти и созреть способны силы,
 Могущие познания накапливать,
 Так з целом постепенно созревало
 И человечество в развитии земном.
 Сперва во тьме те силы обитали,
 Которые достойны стали позже
 Духовный свет узреть в мирах высоких.
 Из высших царств, однако, посылались
 Издревле в мир возвышенные духи,
 Чтоб человечеством руководить.
 В мистических они хранили Храмах
 Те силы Духа, что таинственно
 Переливались в души, ничего
 Не ведавшие о вождах высоких.
 Из человеческих рядов позднее

Учеников себе избрали боги,
 Созревших в испытаньях и аскезе
 Для посвященья в мудрые ученья
 И в высшие мистические цели.
 Когда ж достойно первые из этих
 Учеников наследье восприяли,
 Тогда высокие учителя
 В миры свои могли назад вернуться.
 Потом ученики богов избрали
 Людей, способных воспринять наследье
 Духовное. И это продолжалось
 На протяжении многих поколений.
 И до сих пор мистические школы,
 Коль подлинны они, берут начало
 От этой первой школы высших царств.

Смиренно мы в святилище лелеем
 Все, что нам завещали предки наши.
 Мы думаем не о своих заслугах,
 Доставивших высокую нам должность,
 А лишь о милости властей духовных,
 Которые в посредники избрали
 Нас, немощных, доверив нам богатства,
 Что возжигают в душах свет духовный.

Открыть и вам, друзья, к богатствам доступ
 Настало ныне время! Велики
 И многообещающи те знаки,
 Что в планах мира взор духовный видит.

Фердинанд Рейнеке

Вы оснований ищите далеко,
 Чтоб доказать, что с вами мы должны
 Соединиться и деянию,
 Которое Томазий совершил,
 Широкое влияние обеспечить.

Как ни звучат прекрасно ваши речи,
 Они не могут заглушить в сердцах
 Простых людей воззрения, что труд
 Лишь на самом себе держаться должен,
 Когда действительно он людям нужен.
 И важен этот труд лишь потому,
 Что в нем наука, а не мистика
 Опору духоведенью дает.

А если так, — что пользы для него,
 Когда его не собственная ценность,
 А поощренья мистики спасли?

Альберт Торкватус, 1-й Церемониймейстер

Наука, что через Томазия
 Свое обоснование нашла,
 Не выиграет и не проиграет
 От вашего иль нашего признанья.
 Но можно людям указать дорогу,
 Ведущую к мистическим познаниям;
 И был бы труд свершен наполовину,
 Коль был бы целью он, а не путем.

От вас зависит ныне осознать,
 Что миг настал и что уже пора,
 Путь мистики и разума связав,
 Придать духовной жизни на земле
 Ту мощь, что, в должный лишь
 раскрывшись миг,
 Способна будет действенною стать.

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Тот же зал, что и в предыдущей картине, но без находившихся в нем вначале людей, которые уже разошлись. На сцене: Гиларий Готтгетрей, Гроссмейстер; Магнус Белликозус, 2-й Надзиратель; Альберт Торкватус, 1-й Церемониймейстер; Фридрих Траутманн, 2-й Церемониймейстер; Мария и Иоанн Томазий. Из присутствовавших раньше остались Феликс Бальде и доктор Штрадер.

Гиларий Готтгетрей

Священная наука наша, сын мой,
 Должна твое деянье закрепить,
 И розенкрейцерским благословеньем
 Мы в этом Храме освятим твой подвиг.
 Что дал ты миру, через нас должно
 Стать жертвоприношением плодотворным
 И в тех мирах, где человека труд
 Развитию космическому служит.

Магнус Белликозус

Чтоб миру подарить свое творенье,
 Ты должен был в течение многих лет
 Быть далеко от тех, кого любил.
 Духовного учителя имел ты;
 Но он ушел, дабы душа все силы
 В себе самостоятельно развила.
 Был связан ты с подругой дорогой;
 Но и она ушла, дабы нашел ты
 То, что находят смертные, когда
 Лишь собственной душе своей послушны.
 Ты испытанье выдержал отважно.
 Тебе на благо взятое однажды
 Тебе на благо будет вновь возвращено.

Вот пред тобой твоя подруга. В Храме
 Вы встретились согласно нашей воле.
 И скоро вновь учителя увидишь.
 Соединившись с нами, и другие
 Друзья, что на пороге ожидают,
 Приветствуют в тебе источник знаний.

Феликс Бальде (Томазию)

Ту мистику, что самоуглубленно
 И внутренне духовный свет искала,
 Ты ныне с той наукою связал,
 Что занята лишь чувственным бытием.

Доктор Штрадер (Томазию)

Для душ, взыскующих Духопознания,
 Хоть жизнь их держит в путах вещества,
 Ты и для них найти сумел дорогу,
 Которая их доведет до света.

Томазий

Высокий мастер и Совет высокий!
 Во мне того хотите видеть вы,
 Кто с помощью духовных сил своих
 Произведение создал, что достойно
 Защиты вашей, вашей похвалы.
 И думаете вы, что мне удастся
 Науку, что сегодня признают,
 Соединить с мистическим познанием.

О, если б что-либо еще могло
Внушить мне веру в собственный мой труд!
О, если бы не глас души моей, —
Поверил бы я вам!

Фридрих Траутманн

Но мастер наш,
Конечно, выражает только то,
Что чувствуете вы. И мнится мне,
Что незачем вас в этом утверждать.

Томазий

О, если б так, — стоял бы я смиренно
Здесь перед вами, о благословеньи
Своей работы Храм ваш умолая.
Так думал я и сам еще, когда
Узнал, что вы творение мое
Под ваше покровительство берете
И что врата хотите мне открыть,
Отверстые одним лишь посвященным.

Но на пути, сюда меня приведшем,
Душе моей открылся некий мир,
Куда вы вряд ли в этот час меня
Ввести бы захотели. Ариман
Во всем величье предо мной стоял,
И знатока законов мирозданья
Мне в нем познать воистину пришлось.
Что думают о нем обычно люди, —
Не ценно. Только тот его поймет,
Кто Аримана в Духе созерцал.

И правду всю о собственном творенье
Лишь от него мне довелось услышать.
Он показал, что об его влиянье
Нельзя по впечатлению судить,
Которое о нем имеют люди,
Что признают лишь разум и науку.
Их мнение было б верным лишь тогда,
Когда б творенье от творца отдельно,
Самостоятельно существовало
На протяжение всей духовной жизни.
Но связано всегда с творцом творенье.
Возможно, что в духовных областях

Я обращаю во зло все то, что сделал,
 Хоть труд мой и хорош, и плод хороший
 Сам по себе он был бы должен дать.
 Но мне придется из духовных царств
 Влиять на все, что явится последствием
 В земном бытие творения того,
 Что совершил я в жизни внешних чувств.
 И если я в последствия дел своих
 Проникнуть дам чему-нибудь дурному,
 То станет правда хуже заблужденья
 Затем, что следуют ей размышляя,
 А заблуждению служат в слепоте.
 В грядущем превращу я, несомненно,
 Во зло последствия своих деяний.

И Ариман мне ясно показал,
 Что он труда плодами овладеет.

Когда я вдохновлен бывал работой,
 И восторгался, что все зданье правды
 С такой уверенностью воздвигалось, —
 К той стороне души я обращался,
 Которая трудом моим жила.
 Но о другой я части позабыл, —
 И развились в ней дикие порывы,
 Что находились раньше лишь в зачатке,
 А ныне втайне властно созревают.
 Я в высших царствах Духа мнил себя,
 А был в душевном глубочайшем мраке.
 Мне власть влечений этих показал
 Сам Ариман, в своем явившись царстве.
 И знаю я, каким я позже буду,
 Когда в грядущем дикие порывы
 Моей природой собственной станут.
 Ведь перед тем, как. этот труд начать,
 Себя я Люциферу посвятил:
 Хотел понять и знать его я царство.
 И вижу лишь теперь, чего не видел,
 Когда себя я в творчестве утратил.
 В моем мышлении образы он создал,
 Но в то же время дикие порывы
 Мне в душу он вложил. Они доселе
 Еще молчат, но в будущем проснутся.

Фридрих Траутманн

Как ты, на высоте своей духовной
 Все это зная, все же думать можешь,
 Что не спасешься от дурных влияний?
 Ведь ты же видишь, что тебе грозит?
 Так уничтожь ты это и спаси
 С собою вместе и свое творенье.
 Имеет долг духовный ученик
 Уничтожать преграды к восхождению.

Томазий

Вы судите не по законам мира.
 Такое требование исполнимо
 Мне в этот миг. И мог бы повторить я
 Себе все то, что говорите вы.
 Но что мне Карма позволяет ныне,
 Она не даст мне совершить в грядущем.
 Должны явиться вещи, что во мне
 Дух омрачат и так меня направят,
 Как сам я в этот час вам предрекаю.
 И с жадностью я в мировом свершении
 Искать начну все, что в моем творенье
 Способно вредным стать, и это все
 Я захочу привить духовной жизни.
 Мне полюбить придется Аримана
 И в собственность отдать ему охотно
 Все, что в земном существовании создал.

(Пауза.

Томазий глубоко задумывается.)

Когда б касалось дело лишь меня,
 Я тяжесть эту нес бы терпеливо,
 И стал бы ожидать вполне спокойно
 Все, предопределенное судьбою.
 Но ведь и вам опасности грозят.
 Все то дурное, что через мой труд
 И для меня, и для других возникнет, —
 Уравновесит и покроет Карма.
 Но что и вы подпали заблуждению,
 То для земли гораздо тяжелее:
 Ведь вы руководители ее
 И призваны читать в мирах духовных.
 От вас бы не должно было укрыться,
 Что кто-нибудь другой за это дело —

Не я — судьбою предназначен взяться.
 И знать вам надлежало, что теперь
 Предать забвенью нужно труд мой, чтобы
 Его исполнил кто-нибудь другой,
 Кто им иначе бы распорядился.

Своим суждением отняли вы право,
 Что Ордену должно принадлежать,
 Поскольку место посвящений он.

Лишь оттого, что вижу вас в беде,
 Я на пороге вашем появился.
 Иначе вдалеке бы я держался
 От вас, благословивших этот труд,
 Который столь же вреден, сколь хорош.

Гиларий

Что начато, того теперь нельзя
 Осуществить, возлюбленные братья!
 Должны к тому направиться мы месту,
 Где Дух свою нам волю возвещает.

* * *

*(Гиларий Готтгетрей, Белликозус, Торкватус и Траутманн покидают зал;
 также доктор Штрадер и Феликс Бальде. Только Мария и Томазий остаются
 на своих местах. В зале темнеет. После краткой паузы появляются духовные
 образы Филин, Астрид и Луны в светозарном облаке и заслоняют Марию.
 Последующее — как духовное переживание Томазия .)*

Филия

Душа его жаждет
 От света испить,
 Что светит из царств,
 Сокрытых заботой
 Богов от людей.
 Прислушаться жадно
 Пытается дух
 К божественной речи,
 Которую мудрость
 Таит от сердец.
 Опасны для мыслей
 Бывают исканья
 В пространствах душевных,

Где недостижимо
Царит Сокровенный.

Астрид

Но ширятся души,
Что свету верны
И мир пронизают,
Открытый отважным
Очам их духовным.
И духи стремятся,
Блаженствуя, жить
В божественных сферах,
Что видящим дарят
Лучистую мудрость.
Зовет Сокровенный
К отваге дерзаний
Взыскующих царства,
Где высшая Тайна
От мысли сокрыта.

Луна

Душе да удастся
Создать себе зренье,
Рожденное силой,
Что воли бесстрашье
Творит в человеке.
И мощь искупленья
Из недр извлекает
Волшебные чары,
Что чувственной гранью
От зренья сокрыты.
И души людские
Следы испытуют,
Ища те ворота,
Что боги пред волей
Заблудшей закрыли.

Голос Совести (незримо)

Блуждают мысли в безгранном
У бездны бытия.
И что опорой было для них, —
Ты это утратил;
Что им как солнце раньше сияло, —

Все это угасло.
 Ты в глубях мировых блуждаешь,
 В которые так жадно
 Стремятся люди.
 И ты трепещешь в недрах мира,
 Где люди утешенья
 Найти не могут.

(Последние слова непосредственно переходят в последующие слова Марии, которая все еще заслонена духовными образами и невидима. Она говорит сначала как бы призрачным, но проникновенным голосом.)

Мария

Душой своей прибегни
 К любви вселенской,
 Что некогда теплом своим согрела
 Твои надежды,
 Что некогда зажгла в твоём воленьи
 Духовный свет.
 И из одиночества
 Свое уведи ты сердце.
 Почувствуй же близость друга
 Во тьме своих исканий!

(Духовные существа в световом облаке исчезают. Перед Томазием остается одна Мария. С этого мгновенья переживания снова переносятся на физический план.)

Томазий (в глубоком раздумьи)

Где был сейчас я? Не души ли силы
 Растерянность мою мне показали?
 А совесть мира рассказала мне,
 Что я утратил. А затем во тьме
 Любви благословенье раздалось.

Мария

О Иоанн! Души твоей подруга
 С тобою рядом вправе вновь стоять
 И за тобой последовать в те царства,
 В которых души богоощущенье
 Стяжают в битвах, что уничтожают
 И что в уничтожение утверждают.

В уединенья вечную пустыню
 Она тебя проводит. И узришь
 Тот свет, который духи созидают,
 Когда все силы мрак уничтожает.
 Находишься ты, друг, на том пороге,
 Где люди обретенное теряют.

В мир Духа ты заглядывал не раз
 И силы из него себе черпал,
 Необходимые для твоего творенья.
 Ты думаешь, что труд пропал напрасно.
 Иной судьбы не требуй для себя.
 Отнимет недовольство у тебя
 Всю силу для дальнейшего развития.
 Живя и в заблуждении, и в правде,
 Ты можешь взор всегда держать отверстым.
 И будешь лишь тогда преуспевать,
 Когда необходимость примешь ты,
 Что из духовных царств истекает:

То — духоученичества закон.

Пока еще способен ты желать,
 Чтоб не было того, что уж сбылось,
 Еще не обладаешь силой ты,
 Чтобы в духовном пребывать краю.

Но пусть приобретенного утрата
 Тебе узнать поможет, как в дальнейшем
 Пути Духа правильно идти.
 То понимание, что прежде ты
 Считал судьей всех своих поступков,
 Отныне ты употреблять не вправе,
 Коль чувствуешь, что потерял его.
 А потому, в самом себе умолкнув,
 Ты молча жди даяний высших царств;
 И лишь тогда с собою совещайся,
 Когда себя ты снова обретешь.

С суровым Стражем часто ты встречался,
 Что на пороге в высший мир стоит
 И мир земной от Духа отделил.
 Но не прошел еще ты мимо Стража.
 Всегда ты отворачался от него
 И лишь снаружи созерцал ты мир.
 Но там, внутри, где Духобытие

Раскинуто вокруг души твоей,
 Еще ты **не** был. Бодрствуй же и жди,
 Что для тебя откроется, когда
 Со мной **не только вступишь** на порог,
 Но и **перешагнуть** его ты сможешь.

Занавес.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Царство Люцифера. Пространство, окаймленное не искусственными стенами, а фантастическими формами, напоминающими растения и животных. Слева трон Люцифера. Сперва присутствуют: Душа Капезия и Мария. Немного погодя появляется Люцифер, потом Бенедикт, Томазий со своим эфирным Двойником и Теодора.

Мария

О ты, который в царстве чувств земных
 Капезием зовешься! Почему
 Должна была тебя я первым встретить
 Тут, в царстве Люцифера? Пребывать
 На этом месте ведь не безопасно.

Капезий

Мне о Капезий не говори!
 В земном существовании влачил
 Он жизнь, в которой ныне только сон
 Он видеть должен. Направлял он ум
 На те события, что в веках былых
 Свершились. Так хотел открыть он силы,
 Что человечеством в бытии земном
 И в творчестве духовном управляют.
 Что узнавал он о подобных силах,
 Он сохранить в душе своей пытался.
 Отсюда можно созерцать те знания,
 Что он тогда лелеял.
 Он мнил, что образами обладает,
 Которые действительность являют;

Но если их отсюда созерцать,
 Тогда они — лишь сны, что в человека
 Земнорожденного вложили духи.
 Они действительности не выносят.
 И страхом были бы поражены,

Когда узнали бы они, как духи
Судьбою мировою управляют.

Мария

Ты говоришь, как говорят создання,
Что никогда еще не воплощались.
Для них земля значенья не имеет
И кажется неважной для миров.
Но тот, кто сам к земле принадлежит
И благодарен за ее дары,
Совсем иначе должен рассуждать:
Значительными он считает нити,
Что землю со вселенною связуют.

И Люцифер, властитель этих мест, —
И он на землю взор свой устремляет,
Чтоб управлять деяньями людскими
И собирать плоды деяний этих.
Он знает, что во тьме бы очутился,
Коль на земле бы не нашел добычи.
Его судьба зависит от земли.
Так и с другими существами мира.

И если в образах душа людская
Зрит то, к чему стремится Люцифер,
И сравнивает это с волей духов,
С которыми враждует светоносец,
Тогда ей ясно, что она его
Лишь губит, если следует за ним.

Капезий

Тот человек, с которым говоришь ты,
Страшится тех часов, что принуждают
Быть во плоти, что на земле живет
И сохранила облик свой земной,
Хоть ею уж не управляет дух.
Он чувствует в подобные часы,
Что рушатся любимые миры.
И мнится, что в темнице тесной он,
Небытием объятый, заключен.
И память обо всем, чем он живет,
Совсем в нем погашается тогда.
И хоть людей почувствовать он может,
Но их бесед не понимает он;

Лишь редкие слова ему понятны,
 Что выделяются тогда из речи.
 О том они ему напоминают,
 Что видит он в духовных областях.
 И в теле, и вне тела он тогда,
 И плотской жизни он тогда боится,
 Когда ее отсюда лицезрит.
 И жаждет он мгновенья, что его
 Избавит от телесности совсем.

Мария

Но телу, в коем действует душа,
 Дана возможность в образах прекрасных
 Воссоздавать божественные царства.
 И эти образы хоть и живут
 Подобно призракам в душе людской,
 Но семена в них все-таки таятся,
 Что цвет и плод свой принесут в грядущем.
 Так человек богам чрез тело служит.
 И подлинной душевной жизни цель
 Достигнет он тогда лишь, если в теле
 Он "Я" свое вполне переживет.

Капезий

Ты так не говори перед созданием,
 Что ныне видишь ты в духовном царстве,
 А на земле Капезием зовешь.
 Готов бежать он от речей твоих, —
 Так жгут они его!

Мария

Так, значит, смысл
 Бытия земного ненавидишь ты?
 Как можешь пребывать ты в царстве этом,
 Когда моей ты так страшишься речи?
 Сюда никто не может ведь проникнуть,
 Не испытавши правды этих слов.

Капезий

Твой собеседник уж не раз стоял
 Пред Люцифером, царствующим здесь.
 И показать ему сумел последний,

Что в областях, где служат все ему,
 Лишь вредны человеческие души,
 С сознанием применяющие силы,
 Что им дают земные их тела.
 Но если бессознательно душа
 Телесное влачит существование
 И все же ясновиденье имеет,
 То учится она у Люцифера
 И повредить она ему не может.

Мария

Я знаю, что в духовных этих царствах
 Не слово наставляет, а глаза.

То, что я вижу в настоящий миг
 Благодаря явлению твоему,
 Моей душе продвинуться поможет
 На духоученичества пути.

Капезий

Но здесь не только учится душа;
 Она и долг свой может здесь узнать.
 Ты говорила с существом душевным,
 Что на земле Капезием зовут.
 Прозрение, в прежние существованья
 Тебе дарованное, говорит,
 Что ты кармически его должница.

А потому проси у Люцифера,
 Чтоб светоносец горний на земле
 Капезия под твою защиту отдал.
 При мудрости своей легко узришь ты,
 Что сделать для него, дабы с тобой
 В грядущей жизни повстречался он,
 И ты смогла б вину свою загладить.

Мария

Возможно ль! Долг, столь для меня священный, —
 Исполнить при посредстве Люцифера?!

Капезий

Исполнить долг захочешь несомненно.
 Без Люцифера он неисполним.
 Но вот грядет и сам он, светоносец.

(Появляется Люцифер и во время его речи — Бенедикт.)

Люцифер

У моего, Мария, трона просишь
 Самопознания для человека,
 С которым ты в краю земном близка,
 Чтоб, созерцая существо мое,
 Он самого себя постигнул в правде.

И без тебя он сделать это сможет.

Как смеешь думать, что тебе позволю
 То, что достичь для друга хочешь ты?
 Ведь ты же — ученица Бенедикта!
 Он на земле — могучий мой противник.
 И верно служит он врагам моим.
 И многое уж от меня он отнял.

Но от него избавился Иоанн,
 Признав меня водителем своим.
 Еще меня он в истине не видит,
 Затем, что не вполне еще прозрел;
 Но обретет через меня он зренье
 И будет мне принадлежать совсем.

Тебе ж повелеваю я — ни слова
 Не говорить при мне об Иоанне,
 Пока стоишь пред троном ты моим:
 Меня могли б обжечь слова такие.
 На месте этом ведь слова — деянья,
 И новые деянья порождают.
 Но что возникло бы из слов твоих —
 Быть не должно!

Бенедикт

И все ж ты их услышишь,
 Затем, что там, где действенны слова,
 Из прежних дел рождаются они.

Свершилось то, чем ты уж побежден.
 Как ученица мне верна Мария.
 На ту ступень я смог ее поднять,
 Где свой духовный долг она познала
 И где она его исполнить сможет.
 И выполнение долга сможет дать
 И духу Иоанна исцеленье,
 И власть твою тогда и он отвергнет.
 Обет священный, что в свершеньях мира
 Целебные будить способен силы,
 В душе своей Мария соблюла.

Об этом ты сейчас в словах услышишь.

Но если ты сияние ослабишь,
 Что для борьбы и для завоеванья
 Волшебную тебе дарует власть,
 Мыслительными силами, тогда
 Целебные узришь ты излученья.
 Со временем они усилятся настолько,
 Что втянут будет их любовной силой
 В их сферу Иоанн.

Мария

Сейчас Иоанна
 Мы здесь увидим. Только к форме той,
 Что знают люди, присоединится
 То существо, с которым человек
 Соединен как с двойником своим.
 Когда бы Иоанн тебя таким лишь ведал,
 Каким являешься для глаз земных,
 Тогда бы приобрел не все он силы,
 Что для развития душе его нужны.
 И должен дать сейчас ты двойнику
 Все, что ему понадобится может
 На том пути, что я предрекаю.

Люцифер

Так, значит, он сюда явиться должен.
 И вашу власть уж чувствую и я —
 Спокон веков враждебна мне она.

(С разных сторон появляются Иоанн Томазий и его эфирный Двойник.)

Томазий

Являлся ты до сей поры мне так,
 О мой двойник, что должен был пугаться
 Я самого себя. Хоть понимаю
 Тебя я мало, но известно мне,
 Что управляешь ты душой моей.
 Ты, ты моей препятствуешь свободе.
 Ты, ты причина, что еще не знаю,
 Каков я в истине! Но я тебе
 Дам высказаться перед Люцифером,
 Чтоб видеть, что я сделаю в грядущем.

Двойник Томазия

Неоднократно Иоанну я
 Являлся и давал самопознание.
 Но действовал лишь в глубине душевной,
 Сокрытой от познания его.
 Давно уж в нем та жизнь, что мне присуща,
 Большие измененья претерпела.

Был Иоанн с Марией раньше связан
 И думал, что он связан с нею в Духе.
 Я показал ему, что только страсть
 В действительности им руководила.
 Лишь как упрек понять он это смог.
 Но ты сумел, великий светоносец,
 Так чувственность направить, чтоб служила
 Духовности она. И разлучиться
 Пришлось с Марией Иоанну в жизни.

И строгой мысли он с тех пор отдался;
 В ней — силы, очищающие душу.
 И чистая струя его мышленья
 Влилась в меня, меня преобразила.
 В себе его я чую чистоту.
 И пусть он не боится, коль теперь
 К Марии вновь он будет привлечен.

Но он еще принадлежит тебе;
 Его назад я ныне призываю.
 Переживать меня он сможет ныне,
 Хоть этого и не желаешь ты.

И нужно, чтобы я к его мышленью
 Душевное тепло и силы сердца
 Из собственного существа привнес:
 Пусть вновь найдет в себе он человека.

Люцифер

Желаешь ты добра, но не могу
 Я разрешить тебе твоих желаний.
 Когда б тебя я возвратил Иоанну
 Таким, как много лет тому назад
 Являлся ты перед его душой,
 Любовь свою он подарил бы ныне
 Мышленью лишь и хладному Познанию.
 И теплое его самобытие
 Бесчувственным и мертвенным бы стало.
 Таким его я видеть не желаю.
 Нет! Своеволье личности должно
 В его переживаньи утвердиться.
 Преобразить тебя я должен, если
 Хочу ему успеха и спасенья.

Уже давно все то подготавливал я,
 Что на тебе откроется сейчас.
 И ты иным проявишься в грядущем.
 Марию Иоанн любить не будет,
 Как в прошлом он любить ее желал.

Но столь же страстно будет он **любить**,
 И столь же сильно, как любил Марию.

Бенедикт

Так достижения наши хочешь ты
 Употребить теперь себе на пользу!

В минувшем силой сердца ты связал
 С собою Иоанна; но ты зришь,
 Что скоро связь ты должен закрепить,
 Коль сохранить себе его желаешь.
 В нем сердце Духу хочет подчиниться.
 И в случае удачи, весь тот труд,
 Что совершил он на земле, в грядущем
 Достанется тем силам во владенье,
 С которыми сражался ты всегда.

И если сможешь ты любовь Иоанна,
 Марии посвященную досель,
 В те страсти превратить своим лукавством,
 Что для себя использовать решил,
 То все добро, свершенное им в жизни,
 Во зло в мирах духовных превратится.

Мария

Так, значит, есть спасенье? И Иоанну
 Не суждено во власть отдаться силам,
 Что труд его завоевать желают?

Бенедикт

Да, так случилось бы, когда б остались силы
 Такими, как до сей поры являлись.
 Но если в должный час своей ты клятве
 В душе своей позволишь прозвучать,
 То силы направление изменят.

Люцифер

Так действуй же, насилье!
 Стихийные почуйте духи,
 Веленье Люцифера!

Готовьте пути,
 Чтоб в Люцифера край
 Из сфер земных
 Могло бы возойти
 Что желанно мне,
 И что покорно мне!

Теодора (появляется)

Кто в этот край чужой меня зовет?
 Люблю я лишь, когда с любовью боги
 Душе моей себя явить желают,
 И теплота мне сердце наполняет,
 И изнутри доносятся слова.

Двойник Томазия

О, как меня всего меняешь ты!
 Явилась ты, и лишь одной тобой

Исполненный я действовать могу.
 Через меня Иоанн тебе отдастся.
 Всю ту любовь, которою к Марии
 С такою силой раньше он пылал, —
 Всю ту любовь подарит он тебе!
 Он знал тебя давно, но он не чуял,
 Что уж тогда души его глубины
 Теплом любовным тайно оживлялись.
 Но в нем теперь подымется любовь,
 И будет так он ею преисполнен,
 Что на тебя все помыслы направит.

Бенедикт

Для нас уж наступает должный миг.
 Уж Люцифер всю силу напрягает.
 Мария! Ученичество свое
 Должна ему ты противопоставить!

Мария

Ты свет несешь, но свет, который хочет
 Любовь своекорыстную возжечь.
 В столетях давних людям слабосильным
 Ты даровал запретное познание —
 В те времена, когда велели боги
 Их воле бессознательно служить.
 С тех пор людские души — лишь арена,
 На коей бой с богами ты ведешь.
 Но близятся уж сроки, что несут
 Тебе и царству твоему погибель.
 Мыслитель смелый знание людское
 Освободил от твоего влиянья.
 И сможет знание богам служить.
 Но хочешь вновь ты овладеть той силой,
 Что для себя предназначали боги.
 И так как знания плод, которым ты
 Однажды искусил людей, деяньем
 Иоанна отнят ныне у тебя,
 Ты хочешь искусить его любовью,
 Что по предначертанию судьбы
 Он к Теодоре чувствовать не смеет.

Любовью хочешь с мудростью бороться,
 Как мудростью с любовью ты боролся.

Так знай же: сердцу, что теперь Мария
 Противопоставляет здесь тебе,
 Способность ученичество дало
 Любовь своекорыстную от знания
 Держать вдали. Уж никогда в грядущем
 Я не хочу испытывать блаженства,
 Что чувствуют, когда идея зреет.
 Отдать служенью сердце я желаю.
 Пусть дух мой мыслит только, чтобы, мысля,
 Плодами знания жертвовать для Бога.
 Мне жертвоприношением будет мысль.

И что я так в себе самой взлелею,
 Пусть мощно в Иоанна перельется.
 И если часто будут в нем звучать
 Слова, что от тебя проистекают:
О человек, в любви найди ты силу,
Чтоб своеволие утверждать своё, —
 Тогда ответ в моем раздастся сердце:
 "Ты некогда, в начале дней земных
 Услышан был, явив плоды познания,
 Но добывать лишь с родины богов
 Плоды любви должны отныне люди".

Люцифер

Бороться буду!

Бенедикт

Служа богам борьбою.

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната в розово-красных тонах. Дом Штрадера и жены его Теодоры. Судя по обстановке, Теодора и Штрадер занимаются разными видами работы в общем помещении: на его столе — модели механизмов, на ее — предметы, относящиеся к мистике. Они беседуют о семилетии своего брака.

Штрадер

Итак, семь лет исполнилось сегодня
 С тех пор, как стала ты моей женой
 И родником того святого света,

Что озаряет мир, в котором раньше
Я был объят одним лишь мраком грозным.

Был бедняком духовным я, когда,
Ко мне придя, ты подарила мне
Любовь, которой мир меня лишал.
Я в продолженье многих лет искал
В согласии со строгою наукой
Задачу бытия и жизненное благо.
Но мне пришлось однажды убедиться,
Что были тщетны все пути мои.
Через тебя открылось мне, как Дух
О тех вещах вещает в человеке,
Которые от моего познания
И моего мышления скрывались.
Там, на собрании у Бенедикта,
В те времена тебя я повстречал;
И смог твои услышать откровенья.
И на Томазии потом увидел,
Как может ученичество менять
Людскую душу силою своей.
И этот опыт отнял у меня
Всю веру в разум и в познание
И ничего взамен мне не раскрыл,
Что мне б смогло понятным показаться.
И от мышленья отвратился я
И жизнь свою решил влачить бездумно.
Бессмысленной казалась мне она.
А в технике, которой я отдался,
Искал я опьяненья и забвенья.

Так вел я жизнь, исполненную муки,
Пока с тобой не встретился вторично,
И скоро мы с тобой друзьями стали.

Теодора

Понятно мне, что именно сегодня
Воспоминанья о годах минувших
Перед тобой так живо восстают.
И у меня сердечная потребность
Взор обратить на давнее то время,
Когда с тобою мы соединились.
В те времена еще росла и крепла
Та сила, что давала мне способность
Черпать познание из миров духовных.

И Феликс руководством благородным
 До меры той развил мой дар духовный,
 Какую он семь лет назад имел.
 Капезия я встретила в те дни
 У Феликса в тиши его лесной.
 Он, после изысканий многолетних,
 Добиться ученичества сумел.
 И познакомиться считал он важным
 С тем, как я сферы Духа созерцаю.
 Впоследствии я с ним встречалась часто,
 И встретила с тобой в его я доме,
 И утолить смогла твою я жажду.

Штрадер

И правды свет душа моя прияла,
 Что долго так смотрела лишь во тьму.
 И я увидел, что такое Дух.
 И так пересказать ты мне сумела
 То, что из высших приняла миров,
 Что вскоре все сомнения исчезли.
 И я настолько всем захвачен был,
 Что и в тебе сперва увидел только
 Посредницу в познании духовном.
 Лишь много времени спустя я понял,
 Что я захвачен был не только словом,
 Открывшим мне духовную отчизну,
 Но что и сердцем предан я тебе
 И без тебя не мог бы обходиться.

Теодора

Потом ты мне свои доверил чувства:
 Слова твои так необычны были,
 Как будто ты и мысли не имел
 Об утоление той великой жажды,
 Которая в твоём таилась сердце.
 Ты от меня совета только ждал, —
 Совета ждал из уст своей подруги.
 И о поддержке ты меня просил.
 Ты говорил мне о растущем чувстве, —
 О чувстве, что тебя так угнетало.

Штрадер

Что вестник Духа и в подруги жизни
Судьбою мне предназначаться может,
Мне даже в голову не приходило,
Когда тебя просил я о поддержке.

Теодора

И вслед за тем раскрыли нам слова,
Что вызвали в сердцах мы друг у друга,
Что иначе случиться не могло.
Так сердце часто судьбы прозревает.

Штрадер

Когда же ты судьбу мою решила,
Вдруг волны жизни ворвались мне в душу;
Я их **тогда** почувствовать не смог.
И лишь в воспоминаниях, поздней,
Вдруг поднялись они из недр душевных,
Подобно излученьям светоносным.
И я воспоминанья те познал,
Хоть пережить их не был в состоянье
Затем, что отделен еще от Духа.

Случилось в первый раз, что этот Дух
Был мною непосредственно опознан.
Хоть миг не повторялся, все же он
Мне сообщил уверенность такую,
Что светом озарилась жизнь моя.

И пронеслось с тех пор семь лет прекрасных.
И я узнал, что и механику
Душа способна оплодотворять,
Когда она имеет должный взгляд
На мир духовный. Только Духа власть,
Которой ты мне жизнь обогатила,
Позволила мне так постичь все силы,
Что как бы свыше то произведение,
От коего столь много ожидают,
Перед духовным взором встало вдруг.
Почувствовал тогда в твоём я свете,
Как возрастают силы, что во мне
Погибли бы, когда б я был один.
Уверенность, которую я вынес,
Устойчиво мне служила и тогда,
Когда пред розенкрейцерами в Храме

Иоанн Томазий дело рук своих
 Вдруг проклял и с суровостью отверг
 В тот час, который вознести хотел
 Его на жизни высшую вершину.
 Уверенностью этой я держался,
 Когда вовне, вокруг меня, везде
 Противоречья грозные росли.
 Ты, ты одна дала мне эту силу!
 Сперва дало мне откровенье Духа
 Через тебя желанное познание,
 Когда же откровение ушло,
 Остался мне живительный твой свет.

Теодора (в глубоком раздумьи)

Когда же откровение ушло...

Штрадер

Вот, чем бывал я часто озабочен:
 Я спрашивал, не мучишься ли ты,
 Утратив ясновиденье свое,
 И не меня ли ради молча страждешь.
 Но ровность настроенья твоего —
 Знак твоего смиренья пред судьбой.
 И лишь недавно ты переменилась:
 Вокруг тебя уже не светит радость,
 И потускнел сияющий твой взор.

Теодора

Что откровения лишилась я,
 Не причинило боли мне совсем.
 Пути мои изменены судьбою,
 И я судьбу спокойно принимаю.
 Но возвратился дар — и с ним страданье.

Штрадер

За это семилетие впервые
 Ты, Теодора, непонятна мне:
 Ведь откровенье всякое тебе
 Было блаженства внутренним ключом.

Теодора

Но откровенье ныне уж не то.
 По-прежнему я чувствую сперва
 Потребность погасить свое мышление;
 Но прежде ведь, когда мне пустоты
 Добиться удавалось, я сияньем
 Со всех сторон была окружена,
 И Дух в виденьях мне хотел раскрыться.
 Теперь же возникают злые чувства,
 Но так, что очевидно мне вполне,
 Что сила та извне ко мне приходит.
 И входит страх в мои переживания,
 Неодолимо он владеет мной.
 И скрыться я от существа желаю,
 Что — и незримое — противно мне:
 Полно алчбы, оно ко мне стремится,
 И ненавижу то, что вижу я.

Штрадер

Нет, это невозможно, Теодора!
 Считаются переживания эти
 За собственной души отображенья.
 Душа твоя являться так не может!

Теодора (с болью, медленно и задумчиво)

Мне хорошо известен этот взгляд.
 И потому всей силою своей,
 Еще оставшеюся у меня,
 Я погрузилась в Духа край, моля,
 Чтоб существа, что раньше часто так
 Ко мне сходили, мне бы указали,
 Где мне найти причины этой муки.

(Далее, отрывисто.)

И вот... как прежде... облако... явилось
 И... в человека... облако... сложилось—
 То... был... Томазий...

Штрадер (болезненно охваченный быстро сменяющимися чувствами)

Что?.. Томазий?.. Нет!..

Тот человек, кому всегда я верил!..

(Пауза. Потом в мучительном раздумьи.)

Когда перед собой я вызываю
То, что тогда на Ордена собранье
Сказал он о себе и Аримане...

*(Теодора задумывается,
вперив отсутствующий взор в пустоту.)*

О Теодора!.. Что ты зришь... теперь?..

Занавес.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Комната в лесном домике Феликса Бальде. Фелиция и Феликс Бальде, Капезий, Штрадер, потом Душа Теодоры.

Фелиция Бальде

Итак, ее сияющую душу
Не раньше ощутим, чем сами мы
Войдем в тот мир, что отозвал ее
От нас так преждевременно к себе.

А ведь еще совсем, совсем недавно
И теплоту речей ее, и ласку
Мы в домике своем переживали.

Феликс Бальде

Я и Фелиция моя, мы оба
До глубины души ее любили.
О, как мы понимаем ваше горе!

Штрадер

О Феликсе и о Фелиции
Со мною говорила Теодора
И в самые последние часы.
Ей хорошо известно было, как
В тиши лесной проводите вы дни.

Так ощупью один брести я должен...
Она была мне содержанием жизни.

Бессмертны для меня ее дары.
И все ж... Ее здесь нет!

Феликс Бальде

Мы будем
Совместно с вами помыслы свои,
Любя, в мир Духа возносить, дабы
В грядущем с ней соединились мы.

Но, признаюсь, что поразило нас
Известие о земной ее кончине.
Уж много лет в себе я развиваю
То зрение, что позволяет мне
Непроизвольно видеть иногда
Заложенную в человеке жизнь.
На Теодоре же ошибся я.
Я был уверен, я не сомневался,
Что Теодора очень долго будет
Тут, на земле, нас согревать любовью,
Которою она столь многим людям
Как в счастье, так и в горе помогала.

Штрадер

Так непонятно все произошло!
Ее, с тех пор как встретился я с нею,
Я знал всегда в здоровом настроенье.
И только с той поры, как ей открылось,
Что дух ее какой-то неизвестный
Преследует, угрюмое раздумье
Все более овладевало ею.
И в существо ее влилось страданье.
И было видно, как все силы тела
В борении душевном истощались.
Она на те вопросы отвечала,
Что задавал я ей в своей тревоге,
Что нападают мысли на нее,
Страша ее и действуя как пламя.
И что она потом сказала, страшно...
Когда она, сосредоточив мысли,
Причину муки объяснить пыталась,
Вдруг встал перед ее духовным взором...

Томазий... — тот, кого мы так ценили.

И от виденья страшного всегда
Сильнейшее в ней чувство оставалось,
Что нужно ей Томазия бояться...

Капезий

Не смеют Теодора и Томазий
По строгому велению судьбы
Друг к другу страсти чувствовать при жизни:
Они нарушат мировой закон,
Когда они друг к другу испытают
То, что заложено не только в Духе.

В своем Томазий преступает сердце
Судьбы высокой строгое веленье.
Не вправе направлять на Теодору
Он мыслей, что ее способны мучить.
Но чувствует он то, чего нельзя.
Своим сопротивленьем он творит
Уж ныне силы, что в грядущей жизни
Его отдать способны власти темной.

И Теодора, в Люцифера край
Насильственно попав, пережила,
Как Люцифер Томазию внушил
Исполниться к ней чувственной страстью.
Мария же, которой Иоанн
Был вверен в Духе волею судьбы,
Совместно с Теодорою пришла
В то царство, где противятся богам
И где желали, чтобы с ним она
Разъединилась, он же, чарам страсти
Подпав, во власть отдался Люциферу.
И что пережила там Теодора,
То стало этим пламенем смертельным
И породило в ней ее страданья.

Штрадер

Скажите, Феликс, что же это значит?
Что это нам Капезий говорит
Про вещи, что хоть непонятны мне,
Но беспощадны так и так страшны?..

Феликс Бальде

Капезий на путях своих душевных,
 Которыми пришлось ему идти,
 В особенное состоянье Духа
 С теченьем времени все более впадает.
 Лишь в высшем мире дух его живет.
 То, что доступно чувственному знанью,
 Он вовсе оставляет без вниманья,
 И только по привычке выполняет
 Все то, что в жизни раньше делал он.
 Но любит видеть старых он друзей,
 И проводить часы он с ними любит,
 Хотя и с ними он вовнутрь себя
 Сознанием бывает обращен.
 Но верно то, что видит он духовно,
 Поскольку я на собственных прозреньях
 Могу его прозрения проверить;
 А потому я и на этот раз
 Поверить склонен, что, благодаря
 Своим путям духовным, он сумел
 Принять в свои душевные глубины
 И истину о судьбах Теодоры.

Фелиция Бальде

И вот еще, что странно: разговоры
 Вокруг себя без всякого вниманья
 Он оставляет. Мнится, что, душой
 Освободясь от тела, лишь к духовным
 Мирам он обращен. И все ж порой
 Какое либо слово и его
 Принудить может из миров духовных
 Повествовать о том, что как-нибудь
 К таким словам имеет отношение.

Обычно же, о чем ни говорите,
 Ко всем вещам он духом безучастен.

Штрадер

О, как ужасно, если это правда!

Душа Теодоры (появляясь)

Был обрести Капезий удостоен
 В духовном мире знанье обо мне,
 И верно то, что вам он возвещает.

Иоанн Томазий пасть не должен!
 Уж в сильном сердце возожгла Мария
 Любви своей спасительную жертву.
 И хочет ниспослать благословенье
 С своих вершин духовных Теодора.

Феликс Бальде

Теперь спокойнее, мой милый Штрадер!
 Ее я знаки понимаю — хочет
 Со словом обратиться к вам. Внимайте!

Душа Теодоры (сделав жест в направлении Штрадера)

Имеет ясновиденье Томазий.
 Найдёт меня он и в мирах духовных.
 Случиться это не должно, пока
 От страсти не освободится он.
 Он и в твоей нуждается поддержке.
 Прошу тебя: о, помоги ему!

Штрадер

О Теодора! Даже и теперь
 С любовью ты склоняешься ко мне!
 Все сделаю, что от меня ты хочешь!

(Теодора указывает на Капезию.)

Феликс Бальде

Она не может больше говорить
 И хочет, чтоб Капезию мы вняли.

(Теодора исчезает.)

Капезий

Узреть Томазий может Теодору,
 Коль он духовный взор употребит.
 А потому и смерть не умертвит
 Тех страстных чувств, что так ему вредны,
 Хоть будет он вести себя иначе,
 Чем в дни, когда она еще жила
 В своей земной, телесной оболочке.
 Со страстью он того возжаждет света,

Что ей дается из духовных сфер,
 Хоть у нее земного знания нет.
 Он этот свет добыть себе захочет
 И передаст его он Люциферу.
 А Люцифер чрез обретенный свет
 Удержит ту науку, что воздвиг
 Своей земною силою Томазий,
 На веки вечные в своих владеньях.

С земли почина ищет Люцифер
 Людей, которые божественную мудрость
 Приобрели неправыми путями.
 Чистейшее духовное прозреньё
 Связать с людским познанием он хочет,
 Чтоб Доброе в дурное превратилось.

Но несомненно, что с дурных путей
 Томазию сойти еще удастся,
 Коль скоро Штрадер с твердостью решит,
 Людей познание одухотворив,
 Его к божественным познаниям приблизить.
 Чтоб эта цель ему вполне открылась,
 Вступить он должен в школу Бенедикта.

(Пауза.)

Штрадер

О милый Феликс! Дайте мне совет!
 Действительно ли это Теодора
 Капезию сказать мне поручила?

Феликс Бальде

Все это время часто я искал
 Внутри себя серьезно объяснений,
 Чтобы понять Капезия как должно.
 Вот, что установить мне довелось:
 Капезий ученичество свое
 Проходит верно, несмотря на то,
 Что все иного мнения о нем.

Предопределено ему судьбой
 В грядущем стать творцом в духовной жизни.
 Но выполнить он сможет долг высокий,

Возложенный судьбою на него,
Коль уж теперь он дух свой подготовит.

Но было свойственно его природе —
Вместо того, чтоб свет искать духовный,
Все силы посвящать науке ложной,
Что ослепляет ныне столько душ.
Суровый Страж, который на пороге
От чувственности отделяет Дух,
Имел совсем особую задачу,
Когда к вратам Капезий подошел:
Пред ним врата должны были открыться,
Но вслед за ним сейчас же вновь закрыться.

Тем способом, каким до сей поры
В бытии земном приобретал он силы,
Он преуспеть не мог бы в сферах Духа.
И для того высокого служенья,
Для коего в грядущем он созреет,
Он подготовится всего успешней,
Коль мимо современности пройдет.

Фелиция Бальде

И лишь одно ему не безразлично:
Он любит сказки, что уж раньше я
Ему рассказывала, чтобы он
В своем мышлении оплодотворялся,
Когда себя он чувствовал пустым.

Капезий

И в сферах Духа сказки те звучат,
Когда рассказываете вы их.

Фелиция Бальде

Так буду же, сосредоточа дух
И про себя рассказывая сказки,
О вас с любовью думать, чтобы вы
Могли их слушать и в стране духовной.

Занавес.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Пространство, ограниченное не искусственными стенами, а древообразами, переплетающимися формами, которые посылают побегі вовнутрь. Вся сцена дико сотрясается от игры стихий и временами заполняется бурными вихрями.

При поднятии занавеса на сцене Капезий и Мария. К ним присоединяются: Бенедикт, Филия, Астрид, Луна, Другая Филия, Люцифер, Ариман, а также танцующие существа, изображающие мысли; под конец появляется Душа Фелиции Бальде.

Бенедикт (еще невидимый)

Вселенной мысль живёт в твоём мышлении!

Капезий

То Бенедикта голос благородный.
Разносятся духовно тут слова,
Которые в своей житейской книге
Доверил он своим ученикам.
Душе земной слова те непонятны,
А пережить еще труднее их.
Но где в стране духовной раздаются
Слова, что на земле питают душу?

Мария

Уж так давно в духовной ты стране,
И многое открыто для тебя,
И все ж еще не знаешь этих сфер?

Капезий

То, что природе следует своей,
Легко понять привычным к Духу душам:
Одно тут объясняется другим,
И целое светло, хоть и темна
Порою обособленная часть.
Но коль земное существо с духовным
Сливается в единство, то душа
Все понимание свое теряет.
Не только часть — все целое тогда
Окутывается глубокой тьмой.

О, почему тут снова раздаются
Слова, которые нам Бенедикт

Доверил на земле? Зачем в загадку
Мне превращают все, что видно здесь?

Бенедикт (все еще невидимый)

Вселенной сила ткёт у тебя в чувстве!

Капезий

Опять, опять слова, что в мире
Доверил он ученикам своим!
Тут в голосе его они звучат,
Они текут и тьму они рожают,
Тут, в этих царств просторах безграничных!

Мария

Уж чувствую, что надобно узнать
Мне в царства этого бескрайних далях.
И мне уже кивает Бенедикт.
На месте этом даст он мне увидеть
То, что земным созданиям непонятно,
Пока живут они в плену телесном,
И будь они учениками Духа.
Идти вослед учителю им нужно,
Туда, где уж не пользуются речью,
Как символом, на языке людском,
Но где письмо в свершениях вселенских
Перед душой значительно встает.
Из бытия земного я себя,
Сгустивши жизнь душевную, исторгну!
И буду ждать, куда откровенье
Ко мне из сфер духовных не придет.
Когда же я опять вернусь на землю,
Придет оно как мысль, в воспоминаньях
Внутри меня познанием просияет.

Бенедикт (появляясь из глубины)

Найди себя в мышление мировом!
Утрать себя ты в жизни сил вселенских!
И цель земную, в свете мировом
Отображенную, в себе найдешь.

Капезий

Сам Бенедикт сюда явился в Духе!
 Уж не одни слова его звучат?
 Учитель может и земное знание
 В духовный край с собою приносить?
 Что означают здесь его слова?
 Их на земле не так он применяет.

Бенедикт

Ты на земле в мой круг вступил, Капезий,
 Хоть никогда сознательно и не был
 Учеником духовным ты моим.

Капезий

Капезия тут нет, на месте этом!
 Его душа о нем не хочет слушать!

Бенедикт

Хоть чувствовать себя ты в нем не хочешь,
 Но созерцай его в воспоминаньях.

Мышленья сила для тебя раскрыла
 В душевном теле духобытие.
 Освободилась жизнь твоей души
 От мыслей, что в земном играют теле.
 Ты слабо чуешь мысль, чтоб с ней идти
 Из далей мировых в души глубины;
 Но все же сильно, чтобы Духа свет
 Лишь видеть через темноту земную.

Но всех вести я должен, кто в земном
 Существованье свет духовный принял
 Из рук моих, сознательно ль иль нет,
 Моим учеником духовным ставши.
 Их всех вести я должен по дороге,
 Которую я им преуказал.

Душевным зреньем выучился к Духу
 Ты на просторах мира приближаться,
 Освободясь от тела своего.
 Но от мышленья не освобождаясь,
 Ты в царстве Духа истины не зришь:
 Преодолевши чувственное тело,
 Все ж окружен ты тонким телом мысли.

Тогда лишь мир ты в истине увидишь,
 Когда уж никакое своеволие
 Тебе не сможет зренья омрачить.
 Лишь тот, кто мысль вне самого себя
 Способен созерцать, как созерцаем
 Мы плоть земную зрением духовным,
 Духовную действительность постиг.
 Узри в виденьях мысли; их тебе,
 Познания ради, ясновидения сила
 В те формы претворила, что в пространстве,
 Отобразят мышление людское.

*(Разливается нежный и слабый свет.
 Появляются Филия, Астрид и Луна в мерцающем облаке.)*

(Капезий и Мария удаляются.)

Филия, Астрид и Луна (вместе)

Вот близятся мысли,
 Как сонм сновидений,
 Себя созидая,
 К умолкшей душе.
 Творящая воля,
 Будящее чувство,
 Кипящие мысли,
 Привидьтесь сновидцу!

*(Пока звучат эти слова, появляются: с одной стороны — Люцифер, с другой —
 Ариман. Они становятся по обе стороны сцены.)*

Люцифер (широко, чеканя каждое слово)

Вселенной сущности в твоей созиждут воле!

*(Со стороны Люцифера появляются существа, изображающие собою мысли.
 Танцуя, они в движениях изображают мыслеформы, соответствующие словам
 Люцифера.)*

Ариман (тоже широко, но грубо)

Вселенной сущности да совратят тебя!

(После этих слов мыслеобразы движутся от Аримана к Люциферу и, танцуя, изображают своими формами его слова. Вслед за тем обе группы танцуют вместе.)

Люцифер

Вселенной Сила ткет у тебя в чувстве!

(Мыслесущества со стороны Люцифера повторяют свои движения.)

Ариман

Вселенной силы соблазнят тебя!

(Мыслесущества со стороны Аримана повторяют свои движения. Потом опять — обе группы вместе.)

Люцифер

Вселенной Мысль живет в твоём мышлении!

(Повторяется танец люциферической группы.)

Ариман

Вселенной мысли искусят тебя!

(Повторяется танец ариманической группы. Потом четырехкратное повторение движений каждой группы в отдельности и троекратное — обеих групп вместе.

Мыслесущества исчезают вправо и влево. Люцифер и Ариман остаются. Снова появляются Филия, Луна и Астрид и повторяют слова, ранее произнесенные ими, но со следующими изменениями.)

Филия, Луна и Астрид (вместе)

Приблизились мысли,
Как сонм сновидений,
Себя созидая,
К умолкшей душе.
Творящую волю,
Будящее чувство,

Кипящие мысли
Увидел сновидец!

(Филия, Астрид и Луна исчезают. Появляется Капезий и, немного погодя, Мария, которой сперва он не замечает.)

Капезий

Душа переживается внутри
И мнит, что мыслит, оттого что мысли
Она не зрит в пространстве пред собой.
И мнит, что чувствует, затем что чувства
Как молнии из тучи не сверкают.
Она пространство зрит и облака
Над головой.... И если бы не так
Все это было, если бы те молнии
Блистали бы, и не было бы ока, —
Пришлось бы верить ей, что молнии в ней.
Она не созерцает Люцифера,
Что чувства льет и порождает мысль,
И мнит она себя в уединеньи.

О, почему впадаем мы в обман?
Душа, ответь!.. Откуда? Из себя?
Нет, этого не делай!.. Может быть,
От Люцифера будет и ответ...

Мария

И потому не хочешь ты искать?
Мужайся и ищи ответ в глубинах.

Капезий

Тут внемлющее душам существо?

Мария

Ведь души здесь не разъединены,
Они обособляются лишь в теле.
Себя в другом тут каждый слушать может.
И сам через меня ты изрекаешь,
Что должен в глубине искать ответ.

Капезий

Но в глубине грозит мне темный страх!..

Мария

Он в глубине. Но ты себя спроси,
Раз уж в его проникнул ты края, —
Спроси у Люцифера, он ли в немощь
Твою стремится этот страх излить?

Люцифер

Любим и теми я, кто от меня
Бежит. Людьми любим я был всегда.
Хоть мнят они, что им я ненавистен,
Но ищут все ж меня в делах моих.
В холодных формах правды прозябать
Пришлось бы им в земли свершение долгом,
Когда бы в души их я не вложил
Красы существования земного.
Художников я силой одаряю.
Искусство, восторгающее душу,
В прообразах в краю моем живет.

Меня ль тебе бояться? Сам скажи!

Мария

Нет! Во владеньях Люцифера страх
Поистине бы неуместен был.
Желанья, а не страх дарует он;
Желания он в души насаждает.
Проистекает страх из царств иных.

Ариман

Был раньше равносущен я богам,
Но древних прав меня они лишили.
Для брата-Люцифера, царств его,
Хотел я изменить людские души,
Чтоб каждая в себе свой мир таила.
Ведь Люцифер, как равный среди равных,
Хотел лишь в царстве Духа проявляться;
Других существ **владыкой** быть не мог он,
Он лишь **прообразом** способен быть.
И пожелал внушить я людям силу,
Чтоб Люциферу равными их сделать.

И если б я в стране богов остался,
 То это мне бы сразу удалось.
 Но на земле хотели править боги.
 И вот тогда из царств своих они
 Могущество мое изгнали в бездну,
 Дабы не слишком я людей усилил.
 И потому способен лишь отсюда
 Свою я силу посылать на землю.
 Но страхом так становится она.
 При последних словах появляется Бенедикт.

Капезий

Кто слышал то, как обе эти силы
 Тут с мест своих с мирами говорили,
 Сумеет тот и гнев, и страх найти
 В их собственных, им отведенных царствах.

Бенедикт

В словах миров познать себя ты должен,
 И в мыслях мира чувствовать себя.
 И раз вовне ты созерцать способен
 То, что считал сперва самым собою,
 Найди **себя!** В грядущем не дрожи
 При справедливом слове, что явить
 Тебе стремится бытие твоё.

Капезий

Себе опять принадлежать я буду!
 Искать себя я стану оттого,
 Что жить могу в мышление мировом.

Бенедикт

И то, что приобрел, соедини
 Во имя мира с опытом своим.

*(На заднем фоне рядом с Бенедиктом появляется
 в своем обычном одеянии Фелиция Бальде.)*

Фелиция Бальде (сказочным тоном)

Однажды светлое дитя богов,
 Одно из тех созданий, что премудрость

Творят в духовном царстве, пребывало
У Истины Отца на воспитанье:
И в своем мире стало древней властью.

Почуя волю зрелую в себе,
Играющую в теле светоносном,
Оно взирало часто с состраданием
На землю, где искали правду люди.

И Истины Отцу оно сказала:
"Напитка жаждут люди, что Ты дать
Способен им из родников Своих!"

А Истины Отец ему ответил:
"Те родники, что должен Я стеречь,
Они струят духовных солнц сиянье;
И могут пить от них лишь те созданья,
Которым воздухом дышать не надо.

И вот дитя воспитывал Я в свете,
Что сострадать земным способно душам
И тем, кто дышит, свет способно дать.

Иди же к людям и из них сиянье
Неси навстречу свету моему
С доверием и с силой животворной".

И обратилось светлое созданье
К тем душам, что, дыша, живут и ищут,
И многих добрых на земле узрело,
Ему отдавших душ своих жилища.
И к Истины Отцу, к Истоку Света
Оно, любя, их взоры вознесло.
И каждый раз, когда уста людей
Именовали радостно его
Фантазией, в волшебном слове том
В их сердце оживать оно могло.

Но как-то раз приблизился к созданию
Чужой и равнодушный человек.
"Земные души направляю я
К сияющему Истины Отцу!" —
Так человеку существо сказала.
Но молвил он: "Творишь ты в человеке
Лишь дикий бред, обманывая души!"

И многие отвергнули с тех пор
 То существо, которое способно
 Дышащим душам свет ниспосылать.

(В световом облаке появляются: Филия, Астрид, Луна и Другая Филия.)

Филия

Душа человека,
 Пиющего свет,
 Себя пробужденной
 Находит в мирах.

Астрид

И чувствует дух,
 Что страха не знал,
 Себя восстающим
 В живом мирозданье.

Луна

Желай, человек,
 К высотам стремясь,
 В основах бытия
 Собою остаться!

Другая Филия

Ищи, человек,
 Тот свет, что отверз
 Для взора миры,
 Что чувства земные
 В душе порождают!
 И, дух изумленный,
 Все дальше стреми
 В те царства, где боги
 В душе пробуждают
 Свою красоту!
 Победа утешит
 Того, кто бесстрашно
 К порогу стремится,
 Что строго хранится
 От тех, кто страшится.
 И силу получит
 Созревшая воля,

Чтоб смело взойти
К властям всемогущим,
Миры создающим.

*Занавес опускается,
пока Бенедикт, Капезий, Мария, фрау Бальде, Люцифер, Ариман
и четыре душевных образа остаются на своих местах.*

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Фантастический ландшафт. Величественное соединение бурлящих вод, из которых возникают формы с огненными языками. В середине, между огнем и водой, пещера, из которой пышет пламя; она образует как бы ворота, сквозь которые видны горные массивы, состоящие из огня и воды.

Страж, Томазий, Мария, потом Люцифер, потом Другая Филия.

Страж Порога

Желанья жадные доносятся сюда.
Так рвутся души, что ко мне подходят,
Пока они еще терпенья не имеют.
Таких существ алчба сюда приводит,
Не сила, что способна говорить
Затем, что создала себя молчаньем.
Но души, что ведут себя так шумно,
Назад на землю отправлять я должен:
Одно смятение лишь в духовный мир
Они вносить способны, разрушая
Властей вселенских мудрые почины.
Да и себе самим вредны они.
Погибельные силы вызывают
Они в себе, а мнят, что созидают,
Затем что ложь за правду принимают,
Коль их не защищает мрак земной.

(Появляются Томазий и Мария.)

Томазий

Не ты ты душу видишь на пороге,
Которая в Иоанне, Бенедикта
Ученике, с тобой встречалась часто,
Хоть Иоанна облик на земле
Назвать своим она еще должна.
Исполнен жажды он к тебе пришел.

Но близости твоей не перенес он
 И спрятался он в самого себя,
 Почувствовав тебя; так созерцал
 Он царства, что всего бытия источник
 И мира смысл как будто выявляли.
 Блаженство знания он в них нашел,
 А также силы, давшие возможность
 И дух, и руку по следам творенья
 Направить так, что он и вправду думал,
 Что обитают силы мира в нем
 И закрепляют в образах себя.
 Но он не знал, что все, что в нем жило,
 Что все, о чем он мыслил, созидая, —
 Его душевным было содержанием.
 И, как паук, себя воткавший в сеть,
 В себе самом он создал мир особый.

Он думал раньше, что пред ним Мария
 Присутствует духовно; но он видел
 Лишь образ, что в душе его она
 Запечатлела. И являлся образ
 Ему как Дух. Когда ж он на мгновенье
 И впрямь себя в своей увидел сути,
 Тогда бежать он от себя задумал.
 Он верил, что он дух, и вдруг нашел
 Себя в своей же собственной крови.
 И крови власть познать ему пришлось:
 Она — реальность, все другое — призрак.
 Через нее он ясновидцем стал.
 Учился у нее. Она открыла,
 Кто был его отцом и кто сестрою
 Во времена давно минувших лет.
 Так к родственникам кровь его влекла.

И он познал, как может ошибаться
 Душа, когда от вещества стремится
 К мирам духовным тщетно воспарить.
 Еще прочней ее стремление это
 Связует с веществом, чем мир дневной,
 Переживаемый как бы во сне.
 И вот, когда в подобном состоянье
 Себя увидел Иоанн Томазий,
 Он власти той отдался, что ему
 Являлась без обмана, хоть она
 Лишь внешний вид являла; он познал,

Что Люцифер реален и тогда,
Когда себя лишь в образе явит.

Всегда правдивы боги для людей;
Но остается Люцифер собой
Хоть в правде, хоть во лжи он явлен людям.
И потому переживать смогу
Я полную действительность, когда я
Найду ту душу, что со мною он
В владениях своих соединил.
Той силою, что дал мне Люцифер,
Вооруженный, через твой порог,
Тебя минуя, к Теодоре я
Пройду в потусторонние края.

Страж Порога

Подумай-ка, Томазий. Разве ты
Знаком со всем, что за порогом, здесь
Возможно пережить? Доверься мне:
И требованья выполни мои
Пред тем, как впущен будешь ты сюда.

От многого ты отказаться должен,
Что приобрел себе в земном ты теле.
И сохранить ты сможешь только то,
Что ты в стремленье чистом приобрел
И что поныне чистым сохранил.
Но ты ведь сам от этого отрекся
И во владенье Ариману отдал.

А все, что сохранил ты, Люцифер
Тебе испортил для миров духовных.
Все это отниму я на пороге,
Коль ты его как должно перейдешь.
И так ни с чем останешься. Лишь тенью
Окажешься, когда очнешься в Духе.

Томазий

Но все ж останусь я и Теодору
Найду, а с ней источник света тот,
Что для нее и без земного знания
Обильно из духовных недр течет.
Довольно мне! И **ты** напрасно будешь
Противиться, хотя, возможно, власть,

Которой сам я на земле добился,
Противоречит требованиям тем,
Которые ты предъявляешь мне.

Мария

Ты, на пороге этих царств стоящий,
Ведь знаешь ты уж испокон веков,
Что нужно существам, принадлежащим
К твоей природе и к твоей эпохе,
А также людям, что тебя встречают.
Когда они сюда приходят сами
И истинной духовности не явят, —
Должны они на землю возвратиться.
Но этот человек привел с собой
Другую душу к твоему порогу,
С которой он соединен судьбой.

Ты по велению высоких духов
Задерживаешь на пороге многих,
Что приближаются к твоим вратам.
Они себя бы сами погубили,
Когда бы чрез порог переступили.
Но вход открыть ты вправе перед теми,
Что по природе собственной своей
В духовном царстве к той любви стремятся,
И той любовью проникаться могут,
Что Богом им предопределена
Пред тем, как Люцифер бороться стал.

У трона Люцифера поклялась
Я так служить любви в летах грядущих,
Чтоб ей уж не вредили знания те,
Что Люцифер в людские души льет.
Всегда должны иметься в мире люди,
Которые любовь богов приемлют
С такою же горячностью, как встарь
Внушенье Люцифера принимали.

Пусть для меня уж больше Иоанн
Того уразуменья не имеет,
Каким он отличался в прежней жизни,
Когда ему открыла я все то,
Что из Гибернии святилищ древних
Узнала я о Боге, что живет
В душе людской и одержал победу

Над смертью, оттого что жил любовью.
 Мой друг в духовном царстве сможет снова
 Услышать из души моей то слово,
 Которое иллюзией своей
 В нем заглушил коварный Люцифер.

Томазий (как бы созерцая духовно какое-то существо)

Достойного, Мария, старца там,
 В одежде долгополой, видишь ли?
 Высокое чело и взор сияют.
 По улицам идет он, что толпою
 Наполнены, и все благоговейно
 Ему дорогу уступают, чтобы он
 Мог путь свой продолжать и чтоб его
 Раздумия ничем не прерывались.
 И можно видеть, как в самом себе
 Глубокую лелеет думу он.
 Ты видишь ли его?

Мария

Он видим мне,
 Когда гляжу души твоей очами.
 Но в этот час он хочет лишь тебе
 Явить себя в видении духовном.

Томазий

Ему я в душу заглянуть могу.
 В душе его живут воспоминанья
 О том, что он услышал незадолго.
 Стоит мудрец перед его очами,
 И он припоминает те слова,
 Что от него слышал. Он от него
 Идет. Питая мысль из всех истоков
 Бытия, он видит, как в былых веках
 Духовным зреньем люди обладали,
 Хоть смутной жизнь душевная была.
 И мысли он в душе восстанавливает,
 Что от высокого учителя он слышал.
 Но вот исчез он с глаз моих душевных.
 О, если б мне опять его увидеть!

Мужские голоса в толпе я слышу,
И их словам внимаю. С уваженьем
Беседуют они об этом старце.

Был в юности он воином отважным,
В его душе пылало честолюбье
И жажда славы. Он стремился первым
Воителем в рядах своих прослыть.
И без числа жестокостей свершил он
В сражениях. И все блистать старался.
И временами проливал обильно
Он в битвах человеческую кровь.
Но вот настали времена, когда
Военное он счастье потерял.
С позором он с войны домой вернулся,
На родину; и там насмешек град
Он претерпел. И ненавистью он
Исполнился душою, что еще
По-прежнему была честолюбива.
И видел он в сородичах своих —
Врагов, которых истребить он жаждал,
Когда ему представится лишь случай.

Но так как вскоре гордою душой
Он понял, что возмездья над врагами
Он в этой жизни совершить не сможет,
Он самого себя преодолел.
И победил он гордость и тщеславье.
Уж старцем будучи, решил он
Примкнуть к кружку духовному, который
В том городе тогда образовался.
Руководитель этого кружка
Сумел скопить в душе своей всю мудрость,
Что от учителей времен минувших
Передавалась посвященным лишь.
Молву такую слышу я в народе.

Я чувствую горячую любовь,
Когда душой я старца созерцаю,
Что, после всех побед своих во имя
Стремленья к славе, одержал победу
Труднейшую: победу над **собой**.

О, почему я зрю на этом месте
Того, кому я предан всей душою,
Хотя его лишь в образе я зрю?

Те чувства, что во мне он вызывает,
 В одно мгновение не создаются.
 Был в прежней жизни я соединен
 С душой, которую люблю столь сильно.
 Не мог бы сам в себе я вызвать чувства,
 Что так могущественны, как любовь,
 Которую я ныне ощущаю.

То — память о минувших временах!

Рождает память чувства те в душе,
 Хотя их объять мышлением не могу.
 Должно быть, был его учеником
 Я раньше и пред ним благоговел.
 О, как хочу я ту земную душу,
 Что раньше этим телом обладала,
 Перед собою вновь сейчас увидеть,
 В каких мирах она бы ни была!
 Ей доказать любовь свою я должен!
 Пусть обновит она благие силы,
 Что некогда людей соединяли.

Мария

Ты, значит, Иоанн, уверен,
 Что и теперь душа его стоит
 На высоте, которую она
 В те древние стяжала времена,
 Которые ты только что увидел?

А если ею чувства овладели,
 Которые былого недостойны?

Столь много на земле людей, которым
 Пришлось бы со стыда сгореть, увидев,
 Сколь мало соответствуют они
 Той жизни, что в былом они вели.

А если этот старец одержим
 Теперь страстями, и с глубокой скорбью
 И со стыдом ты на него взирал бы?

Томазий

Зачем, Мария, говоришь ты это?
 О, что ты хочешь этим мне сказать?

Ведь здесь иначе двигается мысль,
Чем в тех местах, где мы привыкли быть.

Страж Порога

О Иоанн, что здесь ты созерцаешь,
То для души твоей да будет испытанием.
Вглядись, взгляди в души своей глубины!
Ты это можешь, но не хочешь знать.
Вот, что таилось в глубине твоей,
Покуда жил ты в слепоте душевной!

(Появляется Люцифер.)

И это знание для тебя рассеет
Тот мрак, которым защищен ты был.
Узнай же человека ты того,
К которому любовью воспылал,
Того, кто в теле старца обитал.
Узнай, кому любовь желаешь подарить!

Люцифер

О, погрузись в души своей глубины!
Познай ее могущество и силу
И выучись, как в равновесьи с миром
Тебя любовь могла бы удержать!

Томазий

О да! Теперь почувствовал я душу,
Явившуюся мне! То — Теодора!
Она сама раскрыться мне решилась
Лишь потому, что я ее увижу,
Когда раскроют для меня врата.
Да! Вправе я любить ее! Она
В такой явилась оболочке мне,
Что должен буду я ее любить.
Я только в ней найти себя желаю,
И в ней грядущий свет себе стяжаю!

Страж Порога

Я должного тебе не запрещу.
Уж в образе ты душу ту увидел,

Что любишь больше всех. Ее узришь ты,
Когда ты переступишь чрез порог.

Переживи ее ты, и узнай,
Насколько отвечает явь мечтам.

Другая Филия

Ты Стража строгого не слушай!
В пустыню жизни он уводит.
Тепло души он похищает.
Он только духов созерцает
И тех скорбей не знает,
Что переносят души,
Когда земная их любовь
От стужи защищает.
Усвоил строгость он
И милость он отверг.
Желаний силы
С начала дней
Возненавидел он.

Занавес.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Царство Аримана. Темная пещера, окруженная горами из черного камня самых фантастических форм. Везде из камней выступают кости скелетов, как бы выкристаллизованные из горных масс. Над пропастью видны Ариман, Гиларий, Фридрих Траутманн; потом 12 человек, участвовавших в первой картине. Потом Штрадер ; позднее — Томазий и Мария. Под конец — Двойник Томазия.

Фридрих Траутманн

Как часто уж входил я в царство это!
И все же ужасаюсь я всегда,
Что ищем мы и здесь порой ответы
На многое, что Ордену потребно
И что для нас значение имеет.

Гиларий

Пшеничное зерно должно сперва погибнуть.
Чтоб возвратилась жизнь.

Найти все то на этом месте можно,
 Что отслужило людям на земле.
 Здесь все готовится для новой жизни.
 И коль хотим мы посадить зерно
 Деяний тех, что в будущем созреют,
 Зерно сие должны мы взять у смерти.

Фридрих Траутманн

Зловещий царь здесь властвует, однако,
 И если б не прочел я в книгах наших —
 Сокровищницы Храма, — что добра
 Та сущность, что теперь мы тут встречаем,
 Поистине ее сочли бы злой.

Гиларий

Не книги лишь — и мой духовный взор
 В ней видит откровение добра.

Ариман (измененным голосом)

Я знаю, отчего вы вновь пришли.
 Вы от меня узнать хотите способ,
 Как далее руководить душой,
 Которая стучалась к вам не раз.
 Считая, что потерял Иоанн,
 Хотите видеть в Штрадере того,
 Кто мог бы мистов Ордену служить.
 Что удалось ему из сил природных
 Для человеческого дать прогресса, —
 Все от меня! Господствую я там,
 Где силы, что в механике живут,
 Из творческих ключей себя питают.
 И то должно в моем храниться царстве,
 Что для людей еще создать он сможет.

Но обо всем, что с ним должно случиться,
 На этот раз я позабочусь сам,
 Затем, что чрез Томазия вы мне
 Один ущерб способны наносить.
 И если духам жаждете служить,
 Тогда вам приобрести еще придется
 Что в этом случае вы упустили.

(Ариман исчезает.)

Фридрих Траутманн (после минуты раздумья)

Высокий мастер! Скорбь меня снедает.
 Уже давно с ней справиться пытаюсь,
 Как требует от нас устав суровый,
 Который нам предписан Орденом.
 Но то, что совершается у нас,
 Душевную борьбу мне затрудняет.
 Всегда стремился темноту свою
 Я подчинить с признательностью свету,
 Что вы даете силою своею.
 Когда же я так часто убеждался,
 Что ошибаться можете и вы,
 И пред действительностью речи ваши
 Оказывались тяжким заблуждением,
 Я чувствовал, как будто бы гора
 Мне на душу мучительно ложилась.
 Так и на этот раз вы заблуждались.
 Вы верили, что, несомненно, мы
 От духа этого добро услышим.

Гиларий

Пути миров с трудом лишь проходимы,
 Любезный брат, и ждать нам подобает,
 Чтоб Дух нам направление указал,
 Что нашим отвечало бы трудам.

(Гиларий и Траутманн удаляются.)

Ариман (снова появившись)

Хоть видят, но не знают все ж меня.
 Ведь если б ведали, кто здесь царит,
 Они б за указанием сюда
 Не обратились, но приговорили
 Людскую душу, что порой меня
 Тут навещает, к годам адских мук.

*(Появляются люди, присутствовавшие в начале этой мистерии в передней
 Мистического Братства, но они в этом царстве Аримана еще не зрячи.
 Произносимые ими слова, хотя и живут в их душах, но они ничего об этих словах
 не знают. Они переживают во сне бессознательные видения, слышимые в царстве
 Аримана. Только Штрадер, тоже пришедший сюда, относится к своим*

переживаниям полусознательно и впоследствии будет в состоянии вспомнить о них.)

Штрадер

Советами, что дал мне Бенедикт,
Дабы себя переживал я в мысли,
Я в это царство смерти приведен?
А я-то думал, что, поднявшись к Духу,
В высотах светлых истину познаю!

Ариман

Той мудрости тебе надолго хватит,
Которую ты здесь приобретешь,
Коль будешь ты себя как следует вести.

Штрадер

Перед каким, скажи, стою я духом?

Ариман

Познай его, когда в воспоминаньях
Свои переживанья воссоздашь.

Штрадер

А эти люди? Почему и их
Я в царстве зрю твоём?

Ариман

Одни лишь души
Их пребывают здесь. Они себя
Не сознают; они в своих жилищах
Глубоким сном объаты в этот час.
Но мы перед собой увидим ясно,
Что в их душе живет и то, что сами
Припомнить, бодрствуя, они не смогут.
И слов своих они не слышат тоже.

Луиза Фюрхтеготт

Душа вслепую веровать не вправе,
Что гордо к свету вознестись способна,

В себе раскрывши собственную сущность.
Я признаю лишь то, что знаю я.

Ариман (слышимый только Штрадеру)

И все ж не знаешь, в слепоте какой
Стремишься с гордой силой ты во тьму.
Она поможет, Штрадер, в том труде,
Который ты свершил моею силой.
Для этого не надо веры в Дух,
Несовместимой с гордостью ее.

Фридрих Гейст

Путь мистики, поистине, прекрасен!
И в будущем не буду я лениться,
И целиком той мудрости отдамся,
Что я из Храма их извлечь смогу.

Михаил Эдельман

Я жаждой правды к свету устремлен,
И это благородное ученье,
Что жизнь людей так ярко озарило,
Найдет во мне ученика и друга.

Георгий Вармунд

Бывал всегда захвачен глубоко
Я мистики сокровищем духовным,
Его испив из многих родников.
Искать его и впредь всем сердцем буду.

Ариман (слышимый только Штрадеру)

Намеренье благое, но оно
Лишь в верхнем слое их душевной жизни.
И кладом тем, что в глубине духовной
Они хранят, богатств не созная,
Еще смогу я пользоваться долго.
Так для меня пригодны и они,
Чтоб с гордой силой Штрадера деянье
Развить в существовании земном.

Мария Трейфельс

Здоровый ум из самого себя
 Душе плоды духовные приносит,
 Когда благоговенье пред бытием
 Связуем мы с действительности знаньем.

Ариман (слышимый только Штрадеру)

Кто о действительности говорит
 Во сне, тот, бодрствуя, тем крепче спит.
 Пусть ныне мне она и плохо служит,
 Она в грядущем может пригодиться.
 Должна она родиться оккультистом
 И раскрывать при надобности людям
 Их прежние существованья будет.
 Но вряд ли сохранит она им верность.
 В минувшей жизни Штрадера бранила,
 А ныне хвалит. Так все зыбко в ней!
 Ей Люцифер порадуеться больше.

Франциска Демут

Способна будет мистика создать
 Из человека целое в грядущем,
 Коль будут мысль лелеять наши чувства,
 А чувство нашей мыслью управляться.

Катарина Ратзам

И все же люди видеть свет хотят,
 Хотя и странен способ их подчас:
 Сперва его погасят, а потом
 Дивятся, что во тьме его не видно.

Ариман (слышимый только Штрадеру)

Такие души говорить умеют
 И радость в красноречии находят,
 Но оснований прочных не имеют.
 Пусть сами мне они и недоступны,
 Но многое еще свершат в грядущем,
 Что принесет и мне свои плоды.
 Не таковы они, как полагают.

Бернард Редлих

Коль мало осторожности в познании,
 Фантазия воздушные лишь замки
 Для разрешенья тех загадок строит,
 Что может лишь мышление разрешить.

Гермина Гаузер

Миры должны меняться непрестанно,
 Дабы вполне раскрылось бытие.
 Кто хочет, чтоб все вещи сохранились,
 Тот не имеет силы жизнь понять.

Каспар Штюмер

Фантазиями жить, не значит ли —
 У человека отнимать те силы,
 Которые потребны для того,
 Чтобы служить как следует другим.

Мария Кюне

Тот, кто себе желает повредить,
 Пусть с внешней согласуется средою.
 Но ищет настоящий человек
 То, что таит он в существе своем.

Ариман (слышимый только Штрадеру)

Лишь человеческое в этих душах,
 И знать нельзя, чего они достигнут.
 Пусть Люцифер себя на них проверит
 И их заставит думать, что они
 В себе все силы сами развивают.
 И, может быть, он их не потеряет.

Фердинанд Рейнеке

Кто хочет тайну мира разрешить,
 Тот жди, покуда ум и здравый смысл
 По ходу жизни все ему раскроют.
 И кто себя найти желает в жизни,
 Пусть ищет пользы и житейских благ.
 Искание мудреных объяснений,
 Возвышенных задач провозглашение, —
 Все это не приводит ни к чему.

Ариман (слышимый только Штрадеру)

А этот! Чем не избранный философ!
И будет он в грядущей жизни им.
Он мне поможет подвести баланс:
Лишь семь мне из двенадцати нужны,
Пять брату Люциферу я даю.
По временам людей я наблюдаю,
Способности и силы проверяю.
И если я двенадцать подобрал,
То не приходится искать мне дольше:
Когда к тринадцатому прихожу,
То он совсем на первого походит.
И коль двенадцать я увлечь могу,
В страну мою их души приведя,
Должны другие следовать за ними.

(Про себя. Затыкает Штрадеру уши, чтобы он не слышал.)

Мне это до сих пор не удавалось.
Земля мне не желала подчиниться.
Но буду я из века в век стремиться,
Пока не одолею, может быть.
Что не потеряно, то пригодится.

(Последующее Штрадеру опять слышно.)

Ты видишь, громких слов я не люблю,
И нравится я людям не хочу.
Тот, кто для цели собственной своей
Желает красноречьем вдохновляться,
В миры иные должен направляться.
Но кто разумно и осмысленно
Деянья зрит, свершаемые мной,
Признает тот, что я имею силы,
Без коих человеческие чада
В бытии земном себя бы потеряли.
Я нужен и божественным мирам.
Те души лишь, что мной уязвлены,
Из сфер моих к себе уводят боги.
А в случае, когда им удастся
В том убедить людей, что без меня
Способно мирозданье обходиться, —
Тогда о высшем мире люди грезят,
Но на земле большие силы гибнут.

Штрадер

Во мне ты видишь душу, что все силы
Тебе отдать была бы в состоянье.
И подтверждает все, что здесь я видел:
Лишь недостаток здравого ума
К тебе вражду рождает у людей.
Нет! Громких слов ты мне не говоришь.
Почти насмешливо провозвестил ты
Тем бедным людям, что их ждет в грядущем.

Мне кажется хорошим, сознаюсь,
Все то, что людям ты желаешь дать.
Через тебя должны бы лишь добрей
Все люди стать, и сделаются хуже
Лишь те из них, что уж теперь дурны.
И разделить вполне твои насмешки
Должны бы были люди, несомненно,
Когда б они себя получше знали.

Но что душа моя сказала здесь?
Я говорю слова, что уничтожат
Меня, коль на земле сочту их правдой!

Ты **должен** думать так! Я не могу иначе,
Как истиной слова твои признать.
Но истинны слова твои лишь тут,
И заблужденье станут на земле,
Коль скоро я их там произнесу.

С моим мышленьем дальше не пройти!..

Тут всякое кончается мышление!..

В словах твоих мне слышится печаль.
Скорбишь!.. И я скорблю с тобою вместе!..

Я плакать должен, на тебя взирая!

(Он быстро уходит.)

(Появляются Мария и Томазий, оба в полном сознании, так что слышат все происходящее и сознательно участвуют в разговоре.)

Томазий

Со всех сторон, Мария, пышет ужас!
Сгущается во мне он... Где же силу
Я для сопротивления найду?..

Мария

Имеет силу мой обет святой.
И эту тяжесть вынести ты сможешь,
Обета благотворность пережив.

Ариман (про себя)

Их Бенедикт сюда ко мне прислал.
Он вел их так, что мне от них не скрыться,
Когда они меня здесь обнаружат.

(Последующее говорит так, что Иоанн и Мария слышат.)

Твой первый шаг направил строгий Страж
Сюда, в мои владения, Томазий, —
Тот шаг, что к свету должен сделать ты,
Который ищешь ты в себе самом.
Я истину даю, но только в скорби,
В той скорби, что терплю тысячелетья.
Хоть истина находит здесь меня,
Но разлучиться с радостью должна
Пред тем, как во врата мои пройти.

Томазий

Так созерцать безрадостно я должен
Ту душу, что так жажду я узреть?

Ариман

В желаньях — радость, коль в тепле душевном
Они лелеются. Но здесь желанья
Должны переживаться в стуже лютой.

Мария

И в область льдов, и в вечную пустыню
Я провожаю друга, где ему
Забрезжит свет, что духи зажигают,
Когда во тьме все силы застывают.
Почувствуй, Иоанн, всю мощь души твоей!

(На пороге появляется Страж Порога.)

Ариман

Сам Страж Порога свет тебе подарит,
Которого так жаждешь ныне ты.

Томазий

И созерцать смогу я Теодору!

Страж Порога

Ты на моем пороге созерцал
Ту душу, что предстала в оболочке,
Носимой ею прежде на земле.
В суровый жизни час в душе твоей
Она огонь любви воспламенила,
До сей поры скрывавшийся в тебе.
Пока вне этих царств ты находился,
И лишь просил меня тебя впустить,
Виденье видел ты, но лишь обман
Был в образе, желаньем порожденном.
Но знай, что в истине сейчас увидишь
Ту душу, что в давно минувшей жизни
Таилась в старце, виденном тобой.

Томазий

Опять, опять в одежде длинной вижу
Достоинством исполненного старца!
Ты, что жила под оболочкой этой,
Зачем еще таишься от меня?
Ты Теодорой только можешь быть!
Так пусть реальность воссоздастся в том,
Что скрыто жизнью образов... Тео... **Я... сам!**..

(При слове Тео... появляется Двойник Иоанна.)

Двойник Иоанна

(совсем близко подступая к Томазию)

Познай меня — и зри **себя** во мне!

Мария

Но за **тобой** последую я в бездны,
В которых души богошущенье
Тяжают в битвах, что уничтожают
И что в уничтоженьи утверждают.

(Раскаты грома и мрак.)

Занавес.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Приветливый солнечный утренний ландшафт. На заднем фоне город и много фабричных зданий. Беседуя друг с другом, прохаживаются взад-вперед Бенедикт, Капезий, Мария, Томазий и Штрадер.

Капезий

Здесь место, где с учениками часто
При кротком свете солнца Бенедикт
Беседует; они ж благоговейно
Словам его премудрости внимают.
А там — тот мир, что так несовместим
С величественной этой красотой,
С природой, что благословляет нас.
Там, средь строений этих городских,
С любовью смягчает Бенедикт
Несчастья и горести людские.
Но если он ученикам своим
Поведать хочет о духовном мире,
Тогда он ищет солнечных сердец,
Раскрытых тою творческою силой,
Которая здесь души пробуждает.
И для меня сейчас наступит счастье,
Что речь его людским приносит душам.
Взял тяжкий труд он на себя с любовью,
Ввести меня духовно в мир духовный.
И сам к себе я снова возвращаюсь,
Когда его я рядом ощущаю.

Бенедикт

Благодаря тебе и всем твоим
Друзьям, в кругу учеников моих
Распутается в будущем тот узел,

Который Кармой ткется в становленье.
 Твой опыт делу нашему поможет.
 В сердцах людских, что соблюдают верность
 Той воле, коей я служу, ты сможешь
 Найти себе помощников в работе,
 Дабы закончить вместе с ними дело,
 К которому ты в Духе подготовлен.

Капезий

Я вас узнал и следую за вами!
 Когда в себя бывал я погружен,
 С тех пор, как в Духе я внимать могу
 Всем существом премудрой речи вашей,
 И был к себе я вами приведен,
 Я созерцал в сиянии духовном
 Те цели, к коим я в грядущих жизнях
 Тут, на земле, стремиться призван буду.
 И знаю я, что правилен тот путь,
 Который вы душе моей явили.

Бенедикт

В грядущем много Штрадер и Томазий
 Для человеческого процветанья,
 Соединясь с тобою, сделать смогут.
 Те силы, что обоим им присущи,
 Они уже с начала дней земных
 Подготавливали так, чтобы в развитии,
 Их ожидающем, с тобою вместе
 В духовное сложиться триединство.

Капезий

Итак, благодарить судьбу я должен,
 Хотя ее не понимал я раньше,
 За то, что в надлежащее мгновенье
 Она мое призванье мне открыла.

(После минутного раздумья.)

О, как чудесно вы меня вели!

Казалось мне сперва, что я напрасно
 Войти желаю в те миры, что ваши
 Слова перед душою вызывают.

Я долго находил одни лишь мысли,
 Когда в писанья ваши углублялся.
 И вот внезапно в существе своем
 Духовный мир передо мной возник.
 И в прежнем для меня привычном мире
 Я сам себя почти что потерял.

Бенедикт

Мир чувств земных влиянием могучим
 В тебе всю жизнь духовную затмил бы,
 Но оказался Дух в тебе сильней,
 И мир земной он в призрак превратил.
 А потому сознательно вполне
 Себя на том пороге ты познаешь,
 Где прочие впервые прозревают.

(При последних словах Капезия появляется Штрадер. Все трое удаляются, но скоро Бенедикт вместе со Штрадером снова возвращается обратно.)

Штрадер

Страдание, которое во мне
 Сдавило душу тяжестью безмерной,
 Я испытал, когда я вновь очнулся
 И вновь себя в своем увидел теле,
 Откуда вывели меня слова твои.
 От смутно пережитого в душе
 Осталась боль и эта боль во мне
 Будила память обо всем, что я
 Переживал до страшного виденья;
 Где я, представ пред Ариманом, понял,
 Как все, что мыслим, застывает там.

Я должен был спросить, зачем в то царство
 Я словом Бенедикта приведен,
 Где проверяется пригодность душ,
 И отбирают тех, что послужить
 Готовы тем же целям, для которых
 Власть здешняя использует мой труд.
 И Ариман двенадцать душ людских
 Себе избрать решил себе на службу.

Бенедикт

Тебе известно ведь, зачем те души
С тобой столкнулись в царстве Аримана,
Когда хотел в их судьбы он ворваться?

Штрадер

И это мне раскрыла боль моя,
Мне указав, как с братством рыцарей,
Что ныне в Орден Мистов превратилось,
Я связан был в минувшем бытии
И как я с теми связан был людьми,
В которых эти души обитали.
И я почувствовал, что Ариман
Использует те нити, что со мной
В грядущих жизнях их связать должны.

Бенедикт

К тому стремятся власти мировые,
Чтоб, согласуясь с мерой и числом,
Свой мудрый труд связать с развитием мира.
Порядок их свершений явлен нам,
Для наших внешних чувств он очевиден, —
Его являет Солнце, проходя
Через двенадцать знаков Зодиака.
И отношение Солнца к знакам этим —
Оно вперед задолго предрекает,
Все то, что будет на Земле в грядущем.

Вот так и Ариман хотел бы души,
Что связаны с тобою, в круг сомкнуть,
Дабы твой труд в них отразиться мог.
Хотел в согласьи с мерой и числом
Их типы душ твоей душой дополнить.

Штрадер

Раз смысл числа и меры я познал,
То я смогу из царства Аримана
Свои труды обратно увести
И их богам Земли отдать на службу.

Бенедикт

Ты в мирозданье чисел тайный смысл
Сумел постичь под властью Аримана.

Так требовал того **твой** склад душевный.
 И ученичеством был приведен
 Ты в это царство, чтоб, его познавши,
 Развить как должно творчество свое.

(Оба удаляются. С другой стороны выходят Мария и Томазий.)

Мария

Иоанн, душа твоя свои познания
 В холодных царствах истины стяжала.
 Ты в образах не должен ткать того,
 Что души изживают только в теле.
 Ведь миростановленью чужды мысли,
 Что сами по себе хотят слагаться.

Томазий

Бывает это из-за себялюбья,
 Что жажде знаний хочет подражать.

Мария

Кто хочет посвятить себя развитию
 И совершать деянья, что могли б
 Стать силами во временах грядущих,
 Довериться сперва той власти должен,
 Которая и меру и число,
 Сражаясь, в хаос и в порядок вносит.
 И только то познание живет,
 Которое раскрыться может в душах,
 Когда пережитое в царстве Духа
 В земных телах они припоминают.

Томазий

Судьбу мою ты мне преуказала.
 Раздвоенным я чувствую себя.
 Но с помощью твоей и Бенедикта
 Я — существо, что держится собой.
 Тот человек, во мне еще живущий,
 Моею силой больше не владеет.
 Что вы мне дали, — человек в себе,
 Который людям должен отдавать,
 Что духоученичество дарит.
 Себя мирам он должен посвятить.

Ничто к нему не смеет примешаться
 От прежнего, который только шаг
 Успел в самопознание совершить.
 Пусть тот другой особым миром станет,
 И в будущем при вашей он поддержке
 Устроить сам свою судьбу сумеет.

Мария

Ты в истине ль живешь, иль в заблужденье, —
 Всегда ты взор иметь отверстым сможешь,
 И сможешь ты всегда идти вперед,
 Коль мужественно ты перенесешь
 Необходимости миров духовных.

Занавес.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Храм Мистического Братства, как в первой и второй картинах. Сперва стоят: на востоке — Бенедикт и Гиларий, на юге — Белликозус и Торкватус, на западе — Траутманн. Потом входят Томазий, Капезий и Штрадер; за ними — Мария, Феликс и Фелиция Бальде; потом — Дух Теодоры и, под конец, четыре образа душевных сил.

Бенедикт

Итак, ученики мои сумели
 Духовный свет возжечь в души глубинах,
 Сообразуясь со своей судьбой;
 И друг для друга сделать плодотворным
 Должны они достигнутое ими.
 Но это может лишь тогда случиться,
 Когда соединятся в Храме этом
 Они, с числом и мерою в согласье,
 В единство высшее, что лишь одно
 Дарует жизнь отдельным существам.

На храмовом стоят они пороге.
 Связуясь, души их должны звучать
 В гармонии совместной по закону,
 Что вписан в книгу судеб мировых.
 Дабы в гармонии достигли духи,
 Чего они не смогут сделать сами.
 Прибавят новое они к тем силам,
 Что царствуют тут с древности глубокой.

К вам привожу учеников, о братья!
 Прошли они сюда сквозь мир духовный
 И через боль душевных испытаний.
 Ценить они с благоговеньем будут
 Наш ритуал старинный и священный,
 Который здесь духовный свет являет.
 И вам самим, уж много лет несущим
 Столь преданно духовное служенье, —
 Вам в будущем доверят труд иной.
 Судьба миров сынов людских сзывает,
 В свои святые храмы лишь на время
 И призывают их к другим трудам,
 Когда они в служенье обессият.
 Сам Храм — хранитель света —
 был поставлен
 Пред испытаньем. В рока тяжкий час
 Сомненье человека одного
 Должно было спасти сей Храм от мрака.
 Томазию открыло то познание,
 Что бессознательно душой владеет,
 Что на пути, его ведущем к Храму,
 Через порог не смеет он пройти,
 Пока он не переступил другого,
 Перед которым наш порог — лишь символ.
 Так пред собою сам он запер дверь,
 Что вы, любя, раскрыть ему хотели.
 Совсем другим он ныне возвратится
 И посвящение примет он достойно.

Гиларий

В смирение наши души отдают
 То, что внутри произрастает, Духу.
 Так действовать хотим, чтоб наша воля
 Была духовной воли откровеньем.
 Руководится мудростью наш Храм,
 Что безошибочно к грядущему ведет.
 Вы указали образ действий нам,
 Который в книге Кармы прочитали,
 Когда вели вы через испытанья
 Учеников. Теперь их в Храм введите,
 Дабы они связали труд свой с нашим!

*(На стук Гилария в Храм входят Томазий, Капезий, Мария, Феликс и Фелиция
 Бальде, а также Штрадер. Траутманн и Торкватус так вводят вошедших, что*

Томазий оказывается перед Бенедиктом и Гиларием, Капезий — перед Белликозусом и Торкватусом, Штрадер — перед Траутманном. Мария же с Феликсом и Фелицией Бальде останавливаются посредине Храма.)

Гиларий (Томазию)

Мой сын, слова, что здесь на месте этом
Мы произносим, создают вину,
К духовным вопиющую мирам,
Коль скоро мы неправду говорим.
И как вина огромна, так и сила,
Что, в ней рождаясь, грозно поражает
Того, кто оказался недостойным.
Сообразуясь с силами своими,
И сознавая слов своих последствия,
Трудился я во имя царств духовных
Пред этим символом святого света,
Что на земном востоке нам сияет.

И требует судьба, чтоб ты в грядущем
На месте этом пребывал, служа.

Тот, кто тебя достоин посвятить
И передать тебе ключи служенья,
Напутствуя, тебя благословляет
С достоинством, которое ему
Дает священнодействие во Храме.

Томазий

Высокий мастер! Дерзость лишь могла б
Родить во мне, в столь слабом человеке,
Что перед вами во плоти стоит,
Нескромное желанье: ныне вашим
Преемником в священном Храме стать.
Через порог святой я не достоин
Хотя бы только шаг единый сделать.
Но то, чего я сам желать не смею,
В смирении принять придется ныне.
Сама необходимость мировая
К душе моей с призывом обратилась.
Не тот, каков я есмь, каким я видел
Себя недавно в немощи своей,
Сюда себе явиться дозволяет.

Нет! Человека, что вы зрите здесь,
 Мария с Бенедиктом одарили
 Еще вторым, которого грядущим
 Носителем я призван буду стать.
 Дало мне ученичество мое
 Такое "Я", что может стать могучим
 И собственное творчество явить,
 Сколь бы далек его носитель ни был
 От высшей цели собственной души.
 И если долг предпишет, чтобы он
 Пожертвовал во имя становленья
 В нем пробужденным высшим человеком, —
 То пусть перед его духовным взором
 Как жизненное правило сияет —
 Отныне не вносить мотивов личных
 В работу, что не сам сн совершает,
 Но в нем второе "Я" свершать должно.

Он над собой трудиться втайне будет,
 Чтоб некогда отождествиться с тем,
 Кто перед ним, как идеал, стоит.
 А личные страдания и заботы
 Он утаит в души своей глубинах.

Я вам сказал, когда был вызван вами.
 Что в этот Храм не вправе привести
 Я своего земного человека.
 Второе "Я", со мной соединясь,
 Должно по приказанию судьбы
 Обязанности Стража этих мест,
 Сообразуясь с долгом, исполнять,
 Пока ему повелевает Дух.

Торкватус (Капезию)

На месте этом будешь ты, Капезий,
 Где через мудрость льется в мир любовь,
 Как льется в полдень Солнца яркий свет,
 В священном Храме совершать служенье.
 Грозит опасность тем, кто Духу здесь
 Святые жертвы хочет приносить,
 Затем что Люцифер на месте этом
 К блюстителю священного служенья
 Подкрасться может, втайне налагая
 На все его слова свои печати.
 Пред троном Люцифера ты стоял

И видел все последствия дел его, —
Так к должности своей ты подготовлен.

Капезий

Кто царство Люцифера созерцал,
Как было мне дано судьбой моею,
Тот знает, что добро и зло — слова,
Что для людей почти что непонятны.
Кто Люцифера только злым зовет,
Тот и огонь пускай дурным считает,
Затем что в состояние он убить,
И воду злою, потому что в ней
Мы можем утонуть.

Торкватус

Злым тебе
Являлся Люцифер из-за других;
Сам по себе он вовсе не таков.

Капезий

Высокий Дух, что в утро дней земных
Смог одарить людские души светом,
Обязан в мире службу исполнять,
По существу ни добрую, ни злою —
Для духов, что умеют понимать,
Что им необходимость раскрывает.
Хорошее способно стать дурным,
Когда в него дурной влагают смысл,
А мнимо-злое может стать хорошим,
Коль добрые им духи управляют.

Торкватус

Ты знаешь все, что знать необходимо,
Чтобы на этом месте пребывать.
Да! Не на основании суждений
Любовь оценивает силы мира.
Она по их последствиям их ценит
И вопрошает лишь, как применить
То, что рождается из недр миров.

Бенедикт

Но часто говорит любовь чуть слышно
 И требует опор в души глубинах.
 И здесь она должна соединиться
 Со всем, что по законам мировым
 В прекрасном триединстве Духу служит.
 Связать должна Мария труд свой с вашим.
 И должен силу излучить обет,
 Что дан был ею в царстве Люцифера.

Мария

Глубокие слова сказал Капезий.
 В них — откровенье правды, коль они
 Из Духа истекают, что способен
 Земных существ любовью просвещать.
 Но ложь на лжи они нагромождают,
 Когда из грешных мнений возникают
 И в душах злые силы порождают.

Сияет, несомненно, Люцифер
 Как светоносец пред душевным оком,
 Коль в Духа даль обращено оно.
 Но **пробудить** внутри души своей
 Всегда стремится существо людское
 То, что лишь **созерцать** оно должно.
 Хоть Люцифер прекрасен, нам на диво,
 Но не должны ему мы подчиняться,
 И жить у нас не смеет он внутри.

Однако мудрость излучает он,
 И исполняет мир сознанием гордым,
 И все своеобразие существ
 В его бытие прообраз свой находит;
 Так выявить вовне то, что внутри,
 Могли бы души по его примеру,
 И радость чувств, и мудрость излучая,
 Живя собой, и жизнь свою любя.

Но людям больше, чем всем прочим духам,
 Был нужен Бог, чтобы не только мог
 Их удивлять, во внешнем бытии
 Являясь в блеске перед их душой,
 Но чтобы силу высшую являл Он,
 Живя во внутреннем самой души,
 И в смерти жизнь с любовью возвещая.
 Мы вправе к Люциферу обращаться,

Чтоб красотой и блеском вдохновляться,
 Через него себя переживая,
 Но не его вместить в себя желая.

Нет, Дух иной звать должен человек,
 Коль самого себя он смог понять.
 И вот святая цель души земной:
 Не я, — но сам Христос во мне живет.

Бенедикт

Коль душу к Духу устремит она,
 Как перед Люцифером поклялась,
 То из нее для Храма излучится
 Все, в чем теперь нуждается земля,
 И сам Христос в святилище премудрость
 На нас струить с любовью теплой будет.
 И все, что миру сможет дать она,
 Все связано с ее существованием
 Одним из тех узлов судьбы, который
 Ткет Карма из людских земных деяний.

В далеком прошлом сына и отца
 Поссорила она; зато теперь
 Вновь сына возвратит она отцу.
 Живущая в Томазии душа
 В существование прежнем с той другой,
 Которая в Капезии живет,
 Как сын с отцом связалась силой кровной.

Власть Люцифера не нужна отцу,
 Чтоб за вину наказывать Марию:
 Ведь искупил вину ее Христос.

*Магнус Белликозус (обращаясь к Гиларию и Бенедикту и часто поворачиваясь к
 Феликсу и Фелиции Бальде)*

В святилищах сияет Духа свет,
 С высот духовных мощно он течет,
 Коль душами приемлется достойно.
 Но выбрали премудрые те духи,
 Что в Храмах Мистов свет свой излучают,
 Себе еще пути другие к душам.
 И это время ясно возвещает,
 Что должно всем путям соединиться.
 Нам надо в Храме с душами связаться,

Стяжавшими себе иначе свет,
И все же просветленными вполне.
Поистине, Фелиция и Феликс,
В святилище вступившие теперь,
Свой свет струить ему обильно могут.

Фелиция Бальде

Рассказываю только сказки я.
Они произвольно возникают:
Об их истоке знаю только то,
Что часто мне Капезий говорил.
Должна тому в смирении я верить,
Что говорил он о душе моей;
Приемлю так и ваши разъяснения
О том, зачем я призвана в ваш Храм.

Феликс Бальде

Не только внешний голос вел меня,
Не только голос Стража храмового,
Нет, верный целям своего пути,
Я обратился к силе, что внутри
Руководит деяньями моими,
Дабы узнать, куда направить шаг,
Чтоб наилучшим образом исполнить
Все, предопределенное мне Духом.
И ныне путь мне был указан ясно,
Который Бенедикт в духовной жизни
Предначертал своим ученикам.
И знаки созерцал я, прорицая, —
Те знаки, что теперь я в Храме вижу.
Когда в души глубины я сходил,
И отметал самобытие свое,
И выносил с терпением и силой
То одиночество, что настает
Пред тем, как ощущаю Духа свет, —
Я чувствовал родство свое с бытием,
И я оказывался в мире том,
Который мне вскрывал бытия основы.
В таких скитаниях духовных я
Бывал и в храмах, с коими сей Храм,
Доступный чувственным моим очам,
Так сходствует, как звуки нашей речи
Сходны бывают с буквами своими.

Траутманн (Штрадеру)

Тебе, мой милый Штрадер, предстоит
Произнести здесь в будущем то слово,
Которое к Томазия творенью
Относится, как солнечный закат
К сиянью утра, полному надежды.

Смысл слов твоих способен поглотить
Деяния той власти мировой,
Что в испытаньях видел ты своих.
Ты пребывал на том духовном месте,
Где все, что мыслим, застывать должно.
Как молотом размахивать впустую
Тебе б пришлось, и ты бы сил своих
При этом никогда не осознал бы,
Когда бы не имел ты наковальни.
Так и без наковальни Аримана
Мысль никогда б себя не осознала.

В судьбе твоей мышление порождало
Препятствия и вызывало скорбь
В душе твоей и тяжкие сомненья.
Живя в них, ты пришел к самопознанию —
Не так ли свет лишь в отблеске своем
Свою способен славу созерцать.
Так храмовых служителей слова
Тут, в Храме, отблеск жизни порождают.

Штрадер

Мышления свет давно уже сияет
Отображенно в бытии моем.
Но все ж на протяжение семилетия
В сиянье ярком Дух мне раскрывался
И о мирах со мной делился вестью,
Перед которыми в сомненьях злых
И в муках стыла раньше мысль моя.
И этот свет, внутри меня возжегшись,
Угаснуть никогда уже не сможет,
Коль скоро путь найду к духовной цели,
И станет нужным творчество мое.

Теодора (появляется рядом, со Штрадером, как духовное существо)

Затем я свет тебе завоевала,
 Что к моему ты устремлялся свету,
 Как только время для тебя настало.

Штрадер

О вестник Духа! Свет твой воссияет
 Во всех словах, что тут, на месте этом,
 В грядущем из души моей родятся.
 Со мною вместе будешь, Теодора,
 Святую службу Храма совершать!

(Появляются в сверкающем световом облаке Филия, Астрид, Луна и Другая Филия.)

Другая Филия

Возносятся мысли
 Как жертвы из Храма
 К основам мира.
 Что в душе живет,
 Что сияет в Духе,
 Уносится из мира форм.
 И силы мира
 Склонились к людям,
 Чтоб свет духовный
 От сил душевных
 Возжечь.

Филия

Я испрошу у вселенских духов,
 Чтоб свет их существа
 Душевность сохранил,
 И чтобы звон их слов
 Душевный слух открыл,
 Чтоб не погасло то,
 Что разбужено
 В души скитаньях,
 В людских страданиях.

Астрид

Хочу направить к духу
 Я посвященному
 Любви потоки

Тепловые,
 Чтоб настроенье Храма
 И впредь таилось
 В сердцах людских.

Луна

Хочу у вечной Власти
 Отвагу испросить,
 Чтоб жертвенная воля
 Имела помощь,
 Чтоб претворились в ней
 Времен свершенья
 В посев духовный
 Для жизни вечной.

*Занавес падает,
 в то время как все действующие лица — в том числе Теодора, Филия, Астрид,
 Луна и Другая Филия — находятся еще в Храме.*